

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
Кафедра гражданского права и процесса

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
В ГЭК

Заведующий кафедрой
канд. юрид. наук, доцент
 Т.В. Краснова
«06» декабря 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистра

ОДНОСТОРОННЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ И РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА В
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
40.04.01 юриспруденция

Магистерская программа «Гражданское и семейное право»

Выполнила работу
студентка 3 курса
заочной формы обучения

Кудрявцева
Татьяна
Николаевна

Научный руководитель
канд. юрид. наук, доцент

Яковлев
Александр
Александрович

Рецензент
адвокат
канд. юрид. наук

Гранкин
Иван
Викторович

Тюмень
2019

Кудрявцева Татьяна Николаевна. Тема работы «Одностороннее изменение и расторжение договора в гражданском праве Российской Федерации: выпускная квалификационная работа магистра: код направления 40.04.01, юриспруденция, магистерская программа «Гражданское и семейное право» / Т.Н. Кудрявцева; науч. рук. Яковлев А.А.; рец. Гранкин И.В.; Тюменский государственный университет, институт государства и права, кафедра гражданского права и процесса. – Тюмень, 2019. – 100 с.: Библиогр. Список: с. 95-100 (67 назв.).

Ключевые слова: гражданское право, договорное право, договор, изменение договора, расторжение договора, одностороннее изменение, одностороннее расторжение

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ	9
1.1. ПОНЯТИЕ ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ.....	9
1.2. ПРИРОДА ПРАВА НА ОДНОСТОРОННЕЕ ИЗМЕНЕНИЕ ИЛИ РАСТОРЖЕНИЕ ДОГОВОРА.....	16
1.3. СООТНОШЕНИЕ ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ С СИСТЕМОЙ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ	35
ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ	50
2.1. ВЛИЯНИЕ ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ НА ДОГОВОРНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО.....	50
2.2. ВОЗВРАТ ИСПОЛНЕННОГО ПО ДОГОВОРУ ДО МОМЕНТА ЕГО ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ ИЛИ РАСТОРЖЕНИЯ	58
2.3. ВОЗМЕЩЕНИЕ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЁННЫХ ОДНОСТОРОННИМ ИЗМЕНЕНИЕМ ИЛИ РАСТОРЖЕНИЕМ ДОГОВОРА.....	66
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	88
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	95

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема обеспечения договорной дисциплины носит глобальный характер. Она определяется целым веером различных причин. И решаться данная проблема должна системным образом. Оптимизация правового регулирования хотя и не исчерпывает рецептуру лечения, но, безусловно, играет центральную роль. В центре внимания здесь оказываются нормы о защите прав кредитора по нарушенному договору, которые должны предоставлять удобный, действенный, но и при этом достаточно сбалансированный и справедливый инструментарий средств защиты.

К сожалению, нормы действующего законодательства далеко не всегда удачно регулируют данные вопросы. Целый ряд серьезных недостатков российского законодательства становится очевидным. В частности, ГК РФ недостаточно детально регулирует ряд вопросов, касающихся, пожалуй, одного из самых актуальных способов защиты договорных прав – расторжения нарушенного договора. В советском гражданском праве данная проблематика не была столь актуальной в силу специфики советской экономической модели, где активное расторжение кредиторами нарушенных договоров могло нарушить плановые схемы, при помощи которых советские лидеры тщетно пытались подменить рыночные законы. Акцент делался на взыскании неустойки и иных способах принудительного обеспечения договорной дисциплины, направленных на реальное исполнение обязательств. Дело доходило до того, что в целях обеспечения плановых установок кредитор был обязан требовать реальное исполнение обязательства. В этих условиях не удивительно, что институт расторжения нарушенного договора (тем более в форме одностороннего отказа) не был в центре внимания советской цивилистики.

Современная рыночная экономика предполагает достаточно высокую степень динамичности экономического оборота и мобильности его участников.

Никто теперь не сомневается в том, что пострадавший от нарушения договора кредитор волен выбирать между требованием реального исполнения договора и его расторжением.

Более того, учитывая то, что механизмы буквального принуждения к исполнению обязательства в натуре путем предъявления соответствующего иска как в зарубежном, так и российском праве зачастую либо вовсе заблокированы, либо достаточно ограничены, либо просто малоэффективны, расторжение нарушенного договора как средство защиты прав кредитора приобретает особую актуальность. Можно допустить, что этот способ реагирования на состоявшееся нарушение является одним из самых часто используемых на практике. В этой связи многие практические вопросы применения расторжения нарушенного договора имеют особую актуальность для развития сбалансированного, справедливого и эффективного режима регулирования договорных отношений.

Степень разработанности проблемы. Различные аспекты изменения и расторжения договоров исследовались на уровне диссертаций и монографий рядом авторов. Все работы, посвященные данной проблематике, можно разделить на три группы. К первой группе относятся исследования, посвященные изменению и расторжению договоров в целом, то есть рассматривающие как изменение и расторжение договоров по соглашению сторон, так и в одностороннем порядке. Данную группу составляют труды З.М. Заменгоф, Е.Е. Миронец, О.Б. Новиковой, Е.Б. Овдиенко, О.С. Стребковой, И.В. Ульянова, К.Е. Чистякова, Н.Ю. Шлюндт.

Вторую группу образуют работы, посвященные исключительно или преимущественно расторжению договоров (причем, опять же, как по соглашению сторон, так и в одностороннем порядке). В неё входят труды М.С. Каменецкой, А.Г. Карапетова, Р.Н. Махненко, С.А. Соменкова.

Третья группа состоит из исследований, посвященных отдельным аспектам одностороннего изменения и расторжения договоров. Это - работы

А.Г. Дудко, М.А. Егоровой, Н.И. Краснояровой, Е.В. Оболонковой, Н.В. Попова, К.Н. Стародубцева.

Целью работы является рассмотрение особенностей и проблем одностороннего изменения и расторжения договоров в гражданском праве РФ.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- Охарактеризовать понятие одностороннего изменения и расторжения договоров;
- Установить природу права на одностороннее изменение или расторжение договора;
- Рассмотреть соотношение одностороннего изменения и расторжения договоров с системой способов защиты гражданских прав;
- Рассмотреть влияние одностороннего изменения и расторжения договоров на договорное обязательство;
- Рассмотреть возврат исполненного по договору до момента его одностороннего изменения или расторжения;
- Проанализировать возмещение убытков, причинённых односторонним изменением или расторжением договора.

Объектом исследования выступают общественные отношения в сфере одностороннего изменения и расторжения договоров в гражданском праве РФ.

Предметом исследования выступают нормы гражданского права, регламентирующие основания и порядок одностороннего изменения и расторжения договоров в гражданском праве РФ.

Методологической основой исследования являются общенаучные, методы познания, применявшиеся автором, настоящей работы на всех стадиях исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция и другие; и специальные научные методы: формально-логический, сравнительно-правовой; структурно-системный, комплексный анализ и другие методы, применяемые при проведении научных исследований по правовой тематике.

Теоретическую основу исследования составили труды таких ученых, как Агафонов К., Бовсун М., Борейко, Л.И., Борисенко Е.А., Васильева Е.Г., Гонтарь И.Я., Давыденко В., Егоров И., Журавлев М.П., Коротких Н.Н., Лунеев В.В., Магомедов А.А., Малков В.П., Ниедре А., Петухов Р.Б., Попов А.Н., Прохоров Л.А., Савин В.В., Сахаров А.Б. и др.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации.

Эмпирическую основу исследования составили правовые акты Верховного суда Российской Федерации, акты судов общей юрисдикции.

Научная новизна работы состоит в том, что в исследовании на монографическом уровне осуществлен комплексный анализ проблем одностороннего изменения и расторжения договоров в гражданском праве РФ на современном этапе. Сформулированы выводы и предложения по совершенствованию как некоторых вопросов теории гражданского права, так и соответствующих гражданско-правовых норм.

Теоретическая значимость. Проведенное исследование расширяет знание об актуальных проблемах функционирования института изменения и расторжения нарушенного договора. Теоретические выводы и конкретные предложения по оптимизации российского договорного права, сформулированные в настоящем исследовании, могут быть восприняты научной доктриной, российским законодателем и судебной практикой. Это в свою очередь, на наш взгляд, может способствовать формированию более сбалансированного, экономически эффективного и справедливого гражданско-правового регулирования данного института, а также более целостному представлению об анализируемом институте в рамках систематики российского гражданского права. Помимо этого, результаты проведенного исследования могут быть использованы в учебном процессе, для создания учебно-методических материалов и в иных образовательных целях.

Практическая значимость заключается в тех выводах и рекомендациях, что содержатся в диссертационном исследовании, и могут быть применены в процессах законодательной работы.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников.

На основе материалов исследования автором подготовлены и опубликованы три научные статьи:

1. Статья «Понятие одностороннего изменения и расторжения договора» в журнале Вестник магистратуры, 2019. №11(98). В статье анализируется понятие договора, а также понятие одностороннего изменения и расторжения договора. В статье рассмотрена процедура расторжения и изменения в одностороннем порядке.
2. Статья «Влияние одностороннего изменения и расторжения договоров на договорное обязательство» в научном журнале Colloquium-journal №23(47), 2019 г. (РИНЦ). В статье рассматриваются особенности одностороннего изменения и расторжения договоров и их влияния на договорное обязательство, а также особенности возврата исполненного по договору до момента его одностороннего изменения или расторжения.
3. Статья «Историческое развитие института изменения и расторжения договора» в международном журнале гуманитарных и естественных наук, №11 (ноябрь) 2019 г. (РИНЦ). В статье рассматривается историю становления института изменения и расторжения договора в дореволюционном и советском периоде.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ

1.1. Понятие одностороннего изменения и расторжения договоров

Определение договора приведено в ст.420 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Договор – это соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Оно может касаться установления, изменения или прекращения этих прав и обязанностей или подтверждать выполнение принятых обязательств по отношению к другим участникам. Сторонами договора могут быть как отдельные граждане, физические и юридические лица, так и только организации. Должностная инструкция секретаря: оформляем правильно Договоры в делопроизводстве организации являются одними из самых важных документов. С их помощью реализуются юридические и информационные связи между партнерами, не находящимися в подчинении друг у друга. Это документы, имеющие юридическую силу и значимость, поэтому особенно важно соблюдать правила их составления и оформления. Грамотно составленный договор гарантирует не только достижение цели соглашения в планируемые сроки, но и эффективную юридическую защиту прав и интересов каждой его стороны [17,с. 173].

Договоры в делопроизводстве организации являются одними из самых важных документов. С их помощью реализуются юридические и информационные связи между партнерами, не находящимися в подчинении друг у друга. Это документы, имеющие юридическую силу и значимость, поэтому особенно важно соблюдать правила их составления и оформления. Грамотно составленный договор гарантирует не только достижение цели соглашения в планируемые сроки, но и эффективную юридическую защиту прав и интересов каждой его стороны.

Расторжение договора в одностороннем порядке регулируется только нормами ГК РФ и условиями договора, но не распорядительными актами органов власти. Так, при решении вопроса о возможности расторжения договора аренды земельного участка в связи с отменой постановления о его предоставлении в аренду, ВС РФ установил, что такое основание в договоре отсутствовало, и в иске о расторжении договора было отказано (п. 1 обзора судебной практики от 04.03.2015 № 1 (2015)).

Для выполнения требований ст. 452 ГК РФ до обращения в суд:

- по ч. 2 ст. 450 ГК РФ следует предпринять попытку приведения договора в соответствие с изменениями (известить, предложить иные условия);
- в остальных случаях и при отказе от внесения изменений необходимо направить предложение расторгнуть договор (ч. 2 ст. 452 ГК РФ).

В договорных условиях расторжения, как правило, также предусматривают предварительное направление уведомления [32, с. 62].

Уведомление должно содержать:

- реквизиты договора, подлежащего расторжению;
- подлежащую применению норму;
- основание (причину), если не предусмотрена возможность расторгнуть договор без указания мотивов;
- предложение расторгнуть договор или извещение о расторжении по истечении определенного срока (договорный внесудебный порядок).

В уведомлении о расторжении договора необходимо указать срок в течение которого нужно дать ответ.

Необходимо выждать срок для ответа — 30 дней (ч. 2 ст. 452 ГК РФ) или тот, который предусмотрен договором. При более раннем обращении суд оставит иск без рассмотрения.

Все исполненное до прекращения договора должно быть принято и оплачено, встречные обязанности соразмерно исполнены.

Таким образом, расторжение договора возможно при соблюдении процедуры и условий, подлежащих применению, со всеми указанными выше особенностями.

Одностороннее изменение условий договора ГК РФ в общем случае считает недопустимым. Однако есть ситуации, когда партнерам дается право на обращение в судебные органы с требованием внести изменения в контракт.

В силу ст. 310 Гражданского кодекса РФ не допускается изменение условий контракта по воле одного из партнеров, что способствует стабильности гражданских правоотношений. По умолчанию контракт должен исполняться на тех условиях, на которых партнеры его заключали. Кроме того, общее правило, установленное ст. 450 ГК РФ, разъясняет, что изменение условий договора возможно только при достижении партнерами согласия [67, с. 77].

Однако законодатель предусмотрел случаи, когда изменения могут вноситься по воле одного из партнеров:

- контрагент существенно нарушил свои обязательства;
- такое право дано законом или соглашением сторон;
- произошло существенное изменение обстоятельств.

Следует также отметить, что изменения производятся только на основании решения судебных органов.

Изменение договора в одностороннем порядке ГК РФ предусматривает при наличии существенных нарушений со стороны контрагента (п. 2 ст. 450). Следствием серьезных нарушений должна стать потеря пострадавшим партнером того, на что он рассчитывал при подписании контракта. В данном случае в расчет принимается не количественная величина убытков, а значительность разницы между ожиданиями партнера и реальностью. Существенность нарушений в каждом конкретном случае определяется судебными органами [17, с. 134].

К иным случаям можно отнести моменты, когда право на изменение контракта по воле одного из партнеров предусмотрено:

- контрактом;
- ГК РФ и другими законами.
- В качестве примеров второго можно рассмотреть следующие случаи:
 - при наступлении обстоятельств, увеличивающих страховой риск, страховщик имеет право потребовать изменить условия контракта (ст. 959 ГК РФ);
 - неисполнение залогодателем обязанности предупредить контрагента обо всех ему известных правах третьих лиц на предмет залога дает залогодержателю право требовать изменить условия контракта (п. 4 ст. 336 ГК РФ).

Такое основание для изменения контракта по воле одного из партнеров предусмотрено в ст. 451 ГК РФ, и для его применения требуется одновременное наличие следующих условий:

- при совершении сделки партнеры предполагали, что данных изменений не случится;
- партнеры не могли справиться с причинами, вызвавшими данные изменения;
- исполнение контракта в действующей редакции приведет к тому, что один из контрагентов в значительной степени лишится того, на что рассчитывал при подписании контракта;
- существом обязательства такой риск не предусматривается.

При вступлении во взаимоотношения партнеры должны исходить из принципа стабильности договора. Одностороннее изменение условий договора по воле одного из партнеров допускается только посредством обращения в судебные органы в случаях, строго регламентированных действующим законодательством [18, с. 345].

Отказ от договора влечет, как выше было сказано, его расторжение. Однако законодательство допускает также и изменение содержания соглашения. Это имеет место в том случае, если сторона отказывается от части договора. В пункте 3 статьи 450.1 ГК предусмотрена возможность одного из участников сделки потребовать возмещения убытков при расторжении соглашения. В частности, это допускается, если вторая сторона не имела необходимых разрешительных документов на осуществление своей деятельности. В таком порядке, к примеру, может реализовываться отказ от договора страхования. Данная деятельность подлежит лицензированию. Если организация предоставляет услуги, не имея документа, клиент вправе отказаться от договора. Более того, лицо вообще может не вступать в сделку с такой компанией. Законодательство закрепляет принцип свободы оформления соглашений. Если у организации нет необходимых документов на ведение деятельности, клиент может выразить отказ от заключения договора. В пункте 4 статьи 450.1 ГК законодатель обращает внимание на обязанность лиц соблюдать принцип добросовестности. Это требование распространяется и на односторонний отказ. В случае несоблюдения предписаний он может быть признан оспоримым или ничтожным.

В п. 5 статьи 450.1 Кодекса установлено, что, если вторая сторона приняла исполнение от первой, то впоследствии она не сможет отказаться от договора по основаниям, которые связаны с погашенными обязательствами. Это обусловлено тем, что такими действиями участник подтверждает силу соглашения. Как считают эксперты, норма, закрепленная пунктом пятым, направлена на удержание сторон от непоследовательного и противоречивого поведения. Стоит сказать, что подтверждение стороной, обладающей правом на отказ, желания сохранить договор в силе, может выражаться не только в действии, но и в бездействии. Примером первого может служить принятие ненадлежащего выполнения условий сделки. Повторное такое исполнение не получится использовать как условие для отказа от договора. Примером

бездействия может служить ситуация, когда кредитор, ожидая погашения обязательства, пропустил срок для реализации своего права [21, с. 53].

Стоит отметить, что сегодня в сфере предпринимательства применяются измененные правила отказа заказчика от соглашения о возмездном предоставлении услуг. Законодатель попытался скорректировать процедуру в сторону соблюдения баланса интересов обоих участников сделки. Из общих правил, регламентирующих возможность заказчика в одностороннем порядке изъять немотивированный отказ от соглашения с возмещением в пользу исполнителя лишь фактически произведенных им затрат, появилось исключение. В настоящее время он может обуславливаться необходимостью соблюдения установленного периода и выплатой компенсации субъекту, осуществляющему работы. Эта норма между тем не исключает возможность сторон согласовать другой порядок наступления последствий. К примеру, это может быть полная компенсация убытков со стороны и заказчика, и исполнителя. Также участники могут предусмотреть правила, обусловленные необходимостью выплаты одной стороной определенной суммы в пользу другой. Такое условие, как правило, применяется в договорах, исполнение которых связано с ведением предпринимательской деятельности обоими контрагентами.

Стоит сказать, что ранее процедуры разбирательства споров, связанных с односторонним отказом, основывались на положениях 782 статьи ГК. В результате сформировалась довольно устойчивая практика применения этой императивной нормы. 782 статья не допускает никакого усмотрения сторон в рамках договора по оказанию услуг возмездного характера. В законодательстве не предусматривается никаких формальностей или дополнительных условий для выхода из сделки одного из участников по собственной инициативе. Соответственно, в соглашении стороны не имели права устанавливать возможность его расторжения по окончании оговоренного срока с даты направления извещения. Президиум ВАС в одном

из своих Постановлений указывал, что, по смыслу 782 статьи, отказ от договора об оказании услуги допускается в любое время. Это может быть момент до начала ее предоставления или в процессе осуществления контрагентом оговоренных мероприятий. В связи с тем, что возможность заявить отказ установлено императивно в 782 норме, она не может ограничиваться соглашением сторон. Если же участники установили какие-либо условия, то они будут признаны недействительными. В качестве оснований будут при этом выступать положения 168 и 422 статей ГК [31, с. 46].

Сегодня толкование 782 статьи несколько изменено. За счет этого был достигнут баланс интересов обоих участников сделки. В частности, сторонам предоставляется возможность заранее оговорить все вероятные последствия расторжения договора. Участники, к примеру, могут согласовать компенсацию в твердой сумме или в процентах, которая начисляется от стоимости услуг за период с момента получения извещения и до даты окончания действия соглашения, установленной изначально. Подобный подход может применяться и в случае поручительства. В рамках такого договора поверенный в интересах и от имени доверителя осуществляет юридические действия. Из этой сделки последний вправе выйти по собственной инициативе на основании положений 978 нормы ГК.

1.2. Природа права на одностороннее изменение или расторжение договора

Гражданским кодексом Российской Федерации (далее - ГК РФ) предусмотрены три способа изменения или расторжения договора:

- 1) по соглашению сторон (п. 1 ст. 450);
- 2) по требованию одной из сторон в судебном порядке (п. 2 ст. 450);
- 3) посредством одностороннего отказа от исполнения договора (ст. 450.1).

Основаниями изменения или расторжения договора будут:

- соглашение сторон (внесудебный порядок расторжения договора);
- судебное решение (судебный порядок расторжения договора);
- односторонняя сделка (в случае одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично).

Последнему способу изменения или расторжения договора, а именно одностороннему отказу от договора, с 1 июня 2015 года посвящена отдельная статья, закрепляющая порядок и пределы реализации права на отказ от договора или от осуществления прав по договору.

Односторонний отказ зависит от воли только одной стороны, в связи с чем законодательством должны быть предусмотрены более четкие правила его применения. В Концепции совершенствования гражданского законодательства отмечалось, что правовое регулирование расторжения (изменения) договора путем одностороннего отказа от его исполнения страдает недостатком - оно не предусматривает ни какой-либо порядок действий сторон, направленных на прекращение договора, ни момент его расторжения (изменения) и при этом допускает односторонний отказ от договора (исполнения договора) при отсутствии каких-либо серьезных к тому оснований [38]. Что касается момента изменения или расторжения договора, то с 1 сентября 2013 года действуют правила статьи 165.1 ГК РФ о юридически значимых сообщениях. До введения статьи 450.1 ГК РФ остальные вопросы, возникающие в случае отказа от

договора, оставались неурегулированными, за исключением случаев, предусмотренных специальными правилами для отказа от исполнения отдельного вида договора (например, правила статей 523, 699, 958 ГК РФ).

Согласно Концепции совершенствования гражданского законодательства правовое регулирование расторжения или изменения договора посредством одностороннего отказа от его исполнения (п. 3 ст. 450 ГК РФ) необходимо дополнить следующими положениями:

- односторонний отказ от договора (исполнения договора) возможен только по основаниям, предусмотренным ГК РФ, иными федеральными законами или договором;

- право стороны на односторонний отказ от договора (исполнения договора) реализуется путем уведомления другой стороны; договор считается прекращенным с момента получения такого уведомления;

- в случае когда при наличии основания для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на отказ от договора (исполнения договора), подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, отказ от договора (исполнения договора) не допускается.

Указанные правила закреплены с 1 июня 2015 года в статье 450.1 ГК РФ, а пункт 3 статьи 450 ГК РФ об одностороннем отказе от договора признан утратившим силу.

Согласно пункту 1 статьи 450.1 ГК РФ право стороны на односторонний отказ от договора (исполнения договора) реализуется путем уведомления другой стороны. Указанная норма отсылает нас к статье 310 ГК РФ, содержащей общее правило о запрете одностороннего отказа от исполнения обязательства.

Право на одностороннее изменение и расторжение договора может быть предоставлено ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором. ГК РФ такое право предусматривает, например, для договора

аренды (ст. 610), для договора купли-продажи (см. статьи 489, 497, 503 и другие), для договора поставки (ст. 523) и т.д. Помимо ГК РФ, это право может быть предусмотрено другими законами и подзаконными актами.

Кроме того, статья 310 ГК РФ предусматривает пределы допустимости одностороннего отказа от обязательств. По общему правилу недопустим односторонний выход из обязательства. В частности, такой отказ недопустим в договоре между предпринимателем и потребителем, если право отказа от договора предоставлено сильной стороне, но возможен, если право отказа от договора принадлежит гражданину-потребителю. Отметим, что с 1 июня 2015 года вступила в силу новая редакция статьи 310 ГК РФ.

Согласно последним изменениям законодатель сузил действие запрета на согласование в договоре права на одностороннее изменение или прекращение обязательства. Эта новелла соответствует судебному толкованию этой нормы. Статья 310 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 июня 2015 года, допускала согласование в договоре права на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора только в случаях, если договор заключен в связи с осуществлением обеими сторонами предпринимательской деятельности.

Цель названной нормы, по мнению Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, состоит в защите слабой стороны договора, а потому подразумеваемый в ней запрет (в редакции, действовавшей до 1 июня 2015 года) не должен распространяться на случаи, если в договоре, лишь одна из сторон которого выступает в качестве предпринимателя, право на одностороннее изменение или односторонний отказ от договора предоставлено стороне, не являющейся предпринимателем. Согласно действующей редакции статьи 310 ГК РФ односторонний отказ от обязательства допустимо предусмотреть в договорах между двумя предпринимателями, между предпринимателем и стороной, не осуществляющей предпринимательскую деятельность, если право на отказ предоставлено последней.

Следует отметить, что одностороннее изменение условий обязательства, связанного с осуществлением всеми сторонами предпринимательской деятельности, или односторонний отказ от исполнения этого обязательства допускаются в случаях, предусмотренных договором. Для "непредпринимательских" отношений право на односторонний выход из обязательства может быть предусмотрено ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами, но не самим договором.

Еще одной новеллой статьи 310 ГК РФ является введение платы за односторонний отказ от обязательства. Согласно пункту 3 статьи 310 предусмотренное ГК РФ, другим законом, иным правовым актом или договором право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства.

Таким образом, плата за отказ от договора возможна только в отношениях между предпринимателями. Кроме того, такая плата должна быть невозможна, если право на отказ предоставлено предпринимателю императивной нормой законодательства, например пунктом 2 статьи 610 ГК РФ. Согласно пункту 2 статьи 610 ГК РФ, если договор аренды заключен на неопределенный срок, то каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества - за три месяца. В этом случае выплата денежной суммы за отказ была бы несправедливой. В тех случаях, когда право на отказ от договора предоставлено именно договором, выплата определенной суммы за отказ от договора является допустимой и справедливой компенсацией за немотивированный выход из обязательств.

Важно, что пункт 1 статьи 450.1 ГК РФ устанавливают способ совершения отказа от договора и момент, когда наступают последствия такого

отказа. Право стороны на односторонний отказ от договора (исполнения договора) реализуется посредством уведомления другой стороны.

Договор прекращается с момента получения такого уведомления, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором.

Так, договором может быть предусмотрено, что в случае одностороннего отказа от договора он считается расторгнутым с момента направления отказа от договора или по истечении определенного времени после получения отказа и т.п.

Отметим, что указанная новелла позволит исключить споры о способе реализации права на односторонний отказ и моменте прекращения обязательства в этом случае, которые ранее возникали на практике.

Например, существовало несколько судебных подходов к применению статьи 523 ГК РФ, которая допускает односторонний отказ от исполнения договора поставки (полностью или частично) или одностороннее его изменение в случае существенного нарушения договора одной из сторон. Согласно одному из подходов для расторжения договора поставки ввиду одностороннего отказа от его исполнения необходимо обращение в суд в силу того, что в пункте 1 статьи 523 ГК РФ есть отсылка к пункту 2 статьи 450 ГК РФ. Верной является другая позиция: для расторжения договора поставки на основании статьи 523 ГК РФ не требуется обращаться в суд, достаточно направить уведомление об отказе от исполнения договора, поскольку согласно пункту 4 указанной нормы договор поставки считается измененным или расторгнутым с момента получения одной стороной уведомления другой стороны об одностороннем отказе от исполнения договора полностью или частично, если иной срок расторжения или изменения договора не предусмотрен в уведомлении либо не определен соглашением сторон.

Согласно правилам пункта 2 статьи 450.1 ГК РФ в случае одностороннего отказа от договора (исполнения договора) полностью или частично, если такой

отказ допускается, договор считается расторгнутым или измененным. Необходимо отметить, что в ГК РФ для прекращения или изменения договора используется различная терминология: расторжение договора, отказ от договора, отказ от исполнения договора, одностороннее изменение договора и т.д. Возможно, в силу различия терминологии и возникали споры о моменте изменения или прекращения обязательств. Отметим, что и право на односторонний отказ от договора в литературе квалифицируется по-разному: как право или привилегия [28, с. 112], как оперативная санкция [25, с. 27]. Действительно, право стороны на односторонний отказ от исполнения договора может быть неразрывно связано с юридической природой самого договора (например, договора банковского вклада, поручения) [35, с. 22] и может быть не связано с нарушениями договора другой стороной. В этих случаях односторонний отказ от договора - это право стороны договора и способ прекращения договора. Если основанием для одностороннего выхода из обязательств служат нарушения, совершенные другой стороной, то эту меру можно квалифицировать как оперативную санкцию, применяемую непосредственно стороной обязательства.

Большинство авторов сходятся в том, что для одностороннего отказа от исполнения договора либо изменения его условий не требуется обращаться в суд с иском о расторжении или изменении договора. Односторонний отказ предполагает отсутствие необходимости обращаться к третьему субъекту (органу власти или суду), односторонний отказ от договора или исполнения договора полностью означает его прекращение и влечет прекращение обязательства (здесь как синоним законодатель использует термин "расторжение договора"); односторонний отказ от договора или исполнения договора частично означает изменение договора и изменение обязательства.

Однако В.П. Грибанов отмечал, что между терминами "расторжение договора" и "отказ от договора" есть четкое различие: расторжение договора - это способ прекращения договорных отношений посредством обращения

управомоченного лица к компетентным государственным или общественным органам; отказ от договора - это способ прекращения договорных отношений управомоченным лицом в одностороннем порядке. Всякий отказ от договора есть в то же самое время и отказ от его исполнения лицом [19, с. 143]. Представляется, что на практике не возникало бы споров, если бы в законодательстве четко были разграничены указанные понятия. Однако в новой статье ГК РФ, в статье 450.1, это не сделано.

Важным является пункт 3 статьи 450.1 ГК РФ. В нем законодатель установил новые последствия для тех случаев, когда сделка заключена без лицензии. При отсутствии у одной из сторон договора лицензии на осуществление деятельности или членства в саморегулируемой организации, необходимых для исполнения обязательства по договору, другая сторона вправе отказаться от договора (исполнения договора) и потребовать возмещения убытков.

Отсутствие лицензии или членства в саморегулируемой организации может привести к невозможности исполнения договора. До 1 сентября 2013 года отсутствие лицензии у юридического лица было основанием для признания договора недействительным. В Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации отмечалось, что использование конструкции недействительности сделки в отношениях, при которых сделка совершается лицом, не имеющим соответствующего разрешения, приводит к тому, что потери прежде всего несет сторона, действующая без нарушения, поскольку при признании сделки недействительной эта сторона:

- определенно утрачивает возможность требовать надлежащего исполнения сделки, даже если получение такого исполнения выгодно для этой стороны, например об уплате договорных процентов;

- теряет возможность предъявлять требования о применении санкций, предусмотренных договором;

- по общему правилу лишается возможности прибегнуть к аксессуарным способам обеспечения исполнения (залог, поручительство), поскольку они отпадают при недействительности главного обязательства [37].

Сам факт возможности знать об отсутствии лицензии у стороны договора не является достаточным основанием для возложения на другую сторону обязательства таких серьезных имущественных последствий. В связи с этим Концепция предусматривала исключение из статьи 173 ГК РФ такого основания признания сделки недействительной, как отсутствие у юридического лица лицензии, необходимой для осуществления соответствующей деятельности. Это и было сделано, а по аналогии с правилами статьи 835 ГК РФ (в которой предусмотрено, что в случае принятия вклада от гражданина лицом, не имеющим на это права, вкладчик может потребовать немедленного возврата суммы вклада, а также уплаты на нее процентов, предусмотренных статьей 395 ГК РФ, и возмещения сверх суммы процентов всех причиненных вкладчику убытков) в общих положениях ГК РФ о договорах появляется правило о том, что другая сторона (у которой нет обязанности иметь лицензию) вправе отказаться от договора (исполнения договора) и потребовать возмещения убытков. Это же правило применимо и в случае отсутствия членства в саморегулируемой организации, необходимого для исполнения обязательства по договору.

При этом если заключение договора, создающего обязательство по осуществлению лицензируемой деятельности или деятельности, для осуществления которой необходимо членство в саморегулируемой организации, противоречит публичным интересам или интересам третьих лиц, то такие договоры должны признаваться ничтожными согласно пункту 2 статьи 168 ГК РФ или статье 169 ГК РФ.

Например, если наличие лицензии является основанием для осуществления деятельности юридическим лицом со специальной правоспособностью (например банки, страховые организации, биржи,

нотариальные конторы, профессиональные участники рынка ценных бумаг, инвестиционные фонды), то совершение сделки, требующей специальной правоспособности, лицом, не имеющим соответствующей лицензии и, следовательно, не обладающим необходимой правоспособностью, влечет то, что такая сделка может быть квалифицирована как ничтожная (п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Таким образом, из пункта 3 статьи 450.1 ГК РФ следует, что действительность договора, совершенного без лицензии или членства в саморегулируемой организации, предполагается, но в исключительных случаях могут быть применимы пункт 2 статьи 168 ГК РФ или статья 169 ГК РФ.

В пункте 4 статьи 450.1 ГК РФ установлен частный случай принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ). Сторона, которой ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором предоставлено право на отказ от договора (исполнения договора), должна при осуществлении этого права действовать добросовестно и разумно в пределах, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором.

Последствиями отступления от обязанности действовать добросовестно будут возмещение причиненных этим убытков (п. 4 ст. 10 ГК РФ) или потеря права на односторонний выход из обязательства. При этом нужно иметь в виду, что добросовестность и разумность согласно статье 10 ГК РФ предполагаются, а следовательно, доказать обратное должна будет сторона, которой право на односторонний отказ не предоставлено.

В целях обеспечения защиты добросовестной стороны в договоре в статье 3.12 Принципов международных коммерческих договоров предусматриваются случаи, когда сторона, управомоченная на одностороннее расторжение договора, в ходе исполнения договора утрачивает свое право на односторонний отказ от договора.

Согласно указанной статье если сторона имеет право на отказ от договора в связи с заблуждением, однако другая сторона заявляет о своей готовности

исполнить договор или в действительности исполняет его таким образом, как это понималось стороной, имеющей право на отказ от договора, то договор считается заключенным, как это понималось этой стороной. Другая сторона должна сделать такое заявление или осуществить такое исполнение сразу после того, как она была проинформирована о том, как стороной, имеющей право на отказ от договора, понимался этот договор, и до того, как эта сторона совершила какие-либо действия, основываясь на уведомлении об отказе от договора.

После такого заявления или исполнения право на отказ от договора утрачивается и никакое последующее уведомление об отказе от договора недействительно.

Подобные ограничения и пределы существования права на односторонний отказ от договора закреплены в пункте 5 статьи 450.1 ГК РФ, в котором закрепляется принцип эстоппель применительно к праву на отказ от договора - если при наличии оснований для отказа от договора (исполнения договора) сторона, имеющая право на такой отказ, подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, то последующий отказ по тем же основаниям не допускается. Действительно, поведение кредитора, исполняющего обязанности по договору, или иное подтверждение желания кредитора сохранить договор в силе может свидетельствовать о том, что кредитор не будет отказываться от договора по этому основанию. В этом случае отказ от договора должен быть признан недобросовестным.

В связи с этим законодатель закрепляет запрет на отказ от договора по основаниям, после наступления которых можно сказать, что кредитор своим поведением подтвердил сохранение договора в силе. Отказ от договора в таком случае недопустим, он не будет влечь последствий, связанных с прекращением или изменением договора, а если отказом от договора будут причинены

убытки, то они должны быть возмещены по правилам пункта 4 статьи 10 ГК РФ.

Пункты 6 и 7 статьи 450.1 ГК РФ посвящены правилам отказа от договорного права (отказ от осуществления прав по договору). В Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России отмечалось, что в российском гражданском законодательстве отсутствует разработанный институт отказа от гражданских прав, совершаемого по воле лица на основании договорного соглашения.

Норма пункта 2 статьи 9 ГК РФ, предусматривающая, что отказ граждан и юридических лиц от осуществления принадлежащих им прав не влечет прекращения этих прав, за исключением случаев, предусмотренных законом, является малоприспособной для развитого гражданского оборота. На этапе создания ГК РФ в середине 90-х годов прошлого столетия, отмечается в Концепции, включение подобного предписания в текст закона было вполне оправданно исходя из конкретно-исторических условий.

Однако в настоящее время подобное ограничение, совершенно не нюансированное и лишенное каких-либо отступлений от общего правила, очевидно не соответствует современному уровню развития отечественного гражданского оборота, особенно в сфере предпринимательской деятельности.

Пунктом 6 статьи 450.1 ГК РФ предусматривается что, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором, в случаях, когда сторона, осуществляющая предпринимательскую деятельность, при наступлении обстоятельств, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором и служащих основанием для осуществления определенного права по договору, заявляет отказ от осуществления этого права, в последующем осуществление этого права по тем же основаниям не допускается, за исключением случаев, когда аналогичные обстоятельства наступили вновь.

Во-первых, это правило применимо только для стороны, осуществляющей предпринимательскую деятельность.

Во-вторых, отказ возможен только от договорных прав (то есть прав, порожденных самим договором).

В-третьих, это право должно возникнуть (при наступлении обстоятельств, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором и служащих основанием для осуществления определенного права по договору).

В-четвертых, эта норма диспозитивна, иное (право сохраняет свою силу) может быть предусмотрено ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором.

Таким образом, законодатель установил специальные правила, когда "заявленный отказ" от права влечет прекращение этого права (то есть указанное правило применяется, если сторона прямо заявляет об отказе от права, например об отказе от возникшего права на односторонний отказ от договора, об отказе от реализации права на досрочное истребование долга и т.п.).

Пункт 7 статьи 450.1 ГК РФ устанавливает правила при отказе от права, который выразился не в прямом заявлении стороны об этом, а в виде неосуществления определенного договорного права в установленный срок. В случаях, установленных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором, правила пункта 6 статьи 450.1 ГК РФ применяются при неосуществлении определенного права в срок, предусмотренный ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором. Например, если в указанный срок управомоченная сторона не заявит требование о совершении предусмотренных опционным договором действий (в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество), то опционный договор прекращается (п. 1 ст. 429.1 ГК РФ). Таким образом, с 1 июня 2015 года действуют общие правила, закрепляющие порядок и пределы реализации права на отказ от договора или от осуществления прав по договору.

Иногда соглашения заключаются на определенных условиях, которые не выполняются или недобросовестно выполняются одной из сторон. Именно поэтому существует возможность расторжения договора в одностороннем порядке. Однако не все сделки можно разорвать таким образом без негативных финансовых и правовых последствий.

Стоит изначально убедиться в наличии правовой основы действий, чтобы исключить дальнейшие проблемы финансового и юридического характера.

Законом предусматриваются определенные причины, по которым расторгается договор по желанию и инициативе одной из сторон. Однако они могут быть вызваны разными обстоятельствами, например:

- самим типом заключенного соглашения и прописанной в законе возможностью его расторжения беспрепятственно по желанию лишь одной из сторон;
- грубым или неоднократным нарушением существенных и принципиальных условий сделки, прописанных в договоре;
- изменением условий, не зависящих от воли участников соглашения, но в корне влияющих на его суть [34, с. 215].

Последнее из оснований имеет наибольшее число спорных моментов. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, при составлении соглашения стороны берут на себя риски и рассчитывают их. Однако по статье 451 ГК России существует исключительная возможность расторгнуть договор при желании лишь одной стороны в виду изменившихся условий. Для этого необходимо одновременное наличие нескольких обстоятельств:

- невозможность для сторон предусмотреть наступление какого-либо события;
- ни на одну из сторон нельзя справедливо возложить ответственность за случившееся;
- без расторжения не состоится объективное выполнение условий договора, как они предполагались изначально.

Решение вопроса о прекращении действия соглашения может осуществляться двумя способами:

- Внесудебным. Он означает, что при получении сообщения вторая сторона соглашается на предлагаемое развитие событий и подписания соответствующего соглашения о разрыве сделки;
- Судебным. Этот вариант более сложный в исполнении и длительный по времени. Он имеет место, когда в ответ на уведомление последовал отказ.

В первом случае достаточно составить в форме основного документа соответствующее соглашение, позволяющее оформить разрыв сделки. Оно должно быть подписано обеими сторонами или представителями с наличием соответствующих полномочий. В нем прописываются все нюансы и правила, по которым обязаны действовать участники в процессе прекращения сотрудничества в рамках данного вопроса [62, с. 112].

Для судебного порядка прекращения действия договора по инициативе одной стороны подается исковое заявление в суд. В нем указываются причины, по которым обращающаяся сторона не признает правильности расторжения договора в одностороннем порядке. Кроме того, заявитель вправе потребовать в иске компенсации неустойки, если она предусмотрена соглашением или законом. Таким образом, порядок совершения данной процедуры напрямую зависит от способа разрешения конфликта. Договориться мирным путем – наиболее простой вариант. Однако когда сделать этого не удастся, приходится обращаться в суд и отстаивать интересы, нарушаемые непредвиденным расторжением сделки.

При правильном и своевременном исполнении условий договора и обязательств, прописанных в нем, вряд ли возникает необходимость прекращения его действия. Именно поэтому разрыв достигнутых договоренностей происходит часто в случае несвоевременного или недобросовестного исполнения обязательств одним из участников сделки. В этом случае пострадавшая сторона заинтересована в прекращении действия

договоренности. Однако разорвать сделку проще, если ее основные условия еще не были исполнены.

При частичном исполнении придется договариваться об оплате доли выполненной работы или погашении неустойки. Нередко такая ситуация возникает в случае наступления непредвиденных обстоятельств, независящих от воли стороны. Однако окончательное решение суда при доведении дела до судебного разбирательства может быть разным. Нередко судьи отказывают в праве прервать действие сделки по инициативе с одной стороны, так как многие из наступивших событий, по нормам делового оборота или условиям заключенных договоренностей, могли бы быть предусмотрены заранее. Судебное решение выносится на основе сочетания всех значимых факторов.

Главной особенностью длящегося договора является невозможность его разделить по отдельным предметам. То есть единый предмет соглашения состоит из нескольких услуг, работ и так далее, следующих одна за другой и вытекающих друг из друга. Это означает, что прервать исполнение условий договора без последствий практически невозможно. Если все же требуется одностороннее прекращение длящегося договора, то необходимо учесть некоторые особенности [63, с. 79]:

- указание причины такого решения;
- перечень предполагаемых работ, которые должны были составить предмет соглашения при условии его окончательного исполнения;
- этап, на котором было совершено прекращение их исполнения;
- варианты и способы расчета между сторонами по уже проведенным работам и т.д.

Нельзя одномоментно разорвать соглашение по собственному желанию. Для этого необходимо соблюсти порядок уведомления о расторжении договора в одностороннем порядке второй стороны, без чего невозможно осуществить процедуру правильно и избежать последствий. Если не предоставить доказательств, что оповещение было отправлено и получено, то разрыв сделки может быть оспорен в пользу другого ее участника. Для верного уведомления

второй стороны необходимо составить в письменной форме сообщение с указанием причины, по которой не удастся избежать одностороннего расторжения договора. В течение 30 суток с момента получения такого уведомления или в срок, установленный в самом сообщении, получатель может отреагировать [43, с. 15]:

- отказом в разрыве договоренности, что грозит судебным разбирательством;
- согласием, что означает составление соглашения о расторжении договора в той же форме, что и основной документ.

Отправлять такое сообщение необходимо обязательно с уведомлением о получении. Это поможет подтвердить, что оно дошло до адресата и отсчитать время получения ответа.

Наиболее приемлемой и утвердившейся позиции в доктрине является признание одностороннего отказа в качестве меры оперативного воздействия. В свою очередь, профессор Грибанов определил данное понятие как «юридическое средство правоохранительного характера, которое применяется к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно самим управомоченным лицом как стороной в гражданском правоотношении, без обращения за защитой права к компетентным государственным органам» [11, с. 582].

Одной из мер оперативного воздействия называет односторонний отказ от исполнения договора и профессор М.И.Брагинский, которые рассматриваются как «односторонние действия кредитора по изменению либо прекращению обязательства» [19, с. 104]. Например, в соответствии с п.2 ст.475 ГК РФ, это право покупателя по договору купли-продажи отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы, в случае существенного нарушения продавцом требований к качеству товара. При этом, как отмечает автор, реализация данных мер связана исключительно с нарушением обязательств одной из сторон. В подтверждение своей точки зрения, он приводит несколько случаев отказа в случае

существенного нарушения стороной: поставка товара ненадлежащего качества с недостатками, которые не могут быть устранены в приемлемый срок и другие случаи по договору поставки в соответствии со ст.523 ГК РФ, а также нарушения по договору подряда (п.3 ст.723 ГК РФ).

Интересным представляется пример отказа по кредитному договору по п.1 ст.821 ГК РФ, который наряду с остальными вышеупомянутыми приводит профессор М.И.Брагинский. В действительности в указанном договоре не предусматривается отказ в случае нарушения исполнения заемщиком, а учтена возможность предвидеть вероятностное нарушение в будущем и при данных обстоятельствах реализовать отказ со стороны кредитора. Обстоятельствами, являющимися основанием для применения отказа, могут быть как ухудшение финансового состояния заёмщика (в частности, возбуждение в отношении него дела о банкротстве) [7], так и иные, предусмотренные в договоре кредита [8].

Думается, что такое право, с одной стороны, защищает от негативных последствий для кредитора (например, при ухудшении финансового положения заёмщика), но с другой – непонятна тогда причина его заключения, когда существует объективная возможность до заключения сделки проверить контрагента на исправность своих обязательств. Кроме того, неясно, на что направлен односторонний отказ в данном контексте: на стимулирование стороны, на восстановление своих нарушенных прав? Конечно же, нет. Вероятно, это связано с охраной законного интереса, о чем будет сказано дальше.

Яркими примерами одностороннего отказа в качестве меры оперативного воздействия являются нормы, касающиеся отдельных видов договорных обязательств, которые наделяют кредитора правом отказаться от предоставленных должником товаров, работ, услуг при ненадлежащем исполнении обязательства. Согласно п.1 ст.791 ГК РФ по договору перевозки отправитель груза вправе «отказаться от поданных перевозчиком транспортных средств, не пригодных для перевозки соответствующего груза».

В приведенном случае отказ, являющийся отказом от обязательства, реализуется не столько с целью воздействовать на контрагента, а сколько с интересом сохранить в целостности груз, хотя и ответственность за утрату, порчу несет по общим правилам перевозчик в силу ст.796 ГК РФ. Конечно, можно и взыскать с перевозчика определённую плату за порчу, утрату груза, но это будет лишняя трата времени, сил в доказывании несоблюдения перевозчиком правил. Ввиду этого, такая возможность отказа способна предотвратить вероятные негативные последствия.

В целом, данные меры эффективны в силу того, что они направлены на стимулирование контрагента – нарушителя по исполнению своих обязанностей по договору. Некоторые авторы подразделяют такие меры на две группы: обеспечительные (например, приостановление встречного исполнения), которые имеют своей целью исправить недостатки со стороны нарушителя, и радикальные, направленные на прекращение договорных отношений в силу невозможности такого исправления [65, с. 24].

Следует также добавить, что меры оперативного воздействия охватывают и способы защиты, поскольку последние также направлены на защиту субъективного права и связаны с правонарушением стороны. Различие заключается в том, что меры оперативного воздействия как юридическое средство правоохрательного характера направлено на защиту нарушенных субъективных прав стороны, которое реализуется посредством применения способов защиты по ст.12 ГК РФ.

Однако возникает вопрос: как быть, когда реализация отказа допускается в любое время и не связана никак с нарушением субъекта гражданских правоотношений? В этом случае, авторами предлагается усматривать это как защиту уже законного интереса стороны [28, с. 121].

Данная точка зрения обоснована ввиду отсутствия обеспечительной функции мер оперативного воздействия. У стороны «отпали» необходимость, интерес в сохранении договорных отношений, и, реализуя свое субъективное право на односторонний отказ, контрагент никак не пытается стимулировать

другого к надлежащему исполнению своих обязанностей. Это касается, прежде всего, договоров, связанных с фидуциарным (личным) характером, как при отказе от договоров поручения (п.1 ст.977 ГК РФ), возмездного оказания услуг (ст.782 ГК РФ). Также это относится и к договорам в предпринимательской сфере в части возможности реализации отказа «слабой» стороной. Кроме того, вполне обоснованно соблюдение законного интереса по договору аренды на неопределенный срок, когда арендатор вправе отказаться в любое время беспричинно.

По нашему мнению, это уже не является ни мерой оперативного воздействия, ни мерой защиты и ни последствием применения мер ответственности, по причине того, что не на кого воздействовать, да и не зачем. Это является субъективным правом лица в силу специфики регулирования правоотношений.

Таким образом, расторжение в одностороннем порядке договора на практике трудно реализуемо, но возможно. Однако для этого необходимо наличие определенных условий и обстоятельств. Правильно оформить прекращение действия договора можно в досудебном порядке. Для этого составляется соответствующее соглашение и подписывается всеми участниками.

1.3. Соотношение одностороннего изменения и расторжения договоров с системой способов защиты гражданских прав

Статья 12 Гражданского кодекса РФ перечисляет способы защиты гражданских прав, в число которых, в частности, входит прекращение или изменение правоотношения. Согласно п. 1 и 2 ст. 453 ГК РФ к изменению и прекращению обязательственного правоотношения соответственно приводят изменение и расторжение договора. В связи с этим представляет интерес вопрос о соотношении изменения и расторжения договоров с системой способов защиты гражданских прав.

Прежде всего необходимо указать, что изменение и расторжение договоров по соглашению сторон не относятся к способам защиты гражданских прав, поскольку в этом случае отсутствует защита гражданских прав как таковая. В понятие защиты гражданских прав традиционно «включаются лишь те предусмотренные законом меры, которые направлены на восстановление или признание гражданских прав и защиту интересов при их нарушении или оспаривании». Соглашение сторон об изменении или расторжении договоров далеко не всегда заключается при нарушении или оспаривании одной стороной права другой стороны. Кроме того, даже при наличии правонарушения соглашение об изменении или расторжении договора само по себе является гражданско-правовым договором, поскольку влечет изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (п. 1 ст. 420 ГК РФ). Стороны такого соглашения реализуют свои права на заключение договора и не выходят за рамки регулятивных правоотношений, в то время как право на защиту реализуется в рамках охранительных правоотношений [39, с. 170].

Более сложным представляется вопрос о соотношении со способами защиты гражданских прав одностороннего изменения и расторжения договора. Ситуация, когда одна из сторон договора в одностороннем порядке предпринимает действия, направленные на изменение или прекращение обязательства, зачастую свидетельствует о наличии правонарушения. При этом

одностороннее изменение или расторжение договора выступает в качестве последствия такого нарушения, реакции на него, т. е. в качестве санкции. Право на одностороннее изменение и расторжение договора в связи с его нарушением возникает только в момент такого нарушения, в отличие от права расторгнуть или изменить договор по соглашению сторон, которое по общему правилу существует и до правонарушения (п. 1 ст. 450 ГК РФ). Все это позволяет отнести одностороннее изменение и расторжение договора при нарушении договорного обязательства к способам защиты гражданских прав. Такой подход находит отражение в литературе.

Следующим важным вопросом, требующим решения, является определение группы способов защиты гражданских прав, к которой относится одностороннее изменение и расторжение договоров. Основная классификация способов защиты гражданских прав, принятая в отечественной цивилистике, предполагает их разделение на меры ответственности и меры защиты. Как отмечал С. Н. Братусь, отграничение мер ответственности от мер защиты было призвано подчеркнуть, что при применении ответственности на нарушителя возлагаются новые, отличные от нарушенных, обязанности, выступающие для него в качестве обременения. При этом «меры защиты субъективных прав обеспечивают их восстановление и при отсутствии вины лица, нарушившего эти права... Юридическая же ответственность связана с виновным правонарушением, чем и объясняется возложение на правонарушителя обременений.».

В литературе выделяются и иные отличия мер защиты от мер ответственности: для применения мер защиты не требуется наличия не только вины, но и противоправности в действиях обязываемого лица; применение мер защиты не сопровождается осуждением поведения лица; наконец, «они различаются по основной направленности: ответственность обращена к правонарушителю, а меры защиты — к управомоченному».

Исходя из принятого разграничения способов защиты гражданских прав, большинство авторов относят одностороннее изменение и расторжение

договоров к мерам защиты. В этом отношении показательна следующая точка зрения: «Таким образом, считаем разумным не разрушать сложившуюся традицию, которая относит к мерам ответственности лишь имущественные санкции (убытки, неустойку и т. д.), и не признавать расторжение нарушенного договора в качестве меры ответственности». С этим подходом во многом можно согласиться.

Действительно, не все признаки гражданско-правовой ответственности по общему правилу присущи одностороннему изменению и расторжению договоров. Так, гражданско-правовая ответственность «имеет имущественный характер, характер имущественного воздействия на правонарушителя», а также должна выражаться «в форме восстановления нарушенных отношений и в форме установления отрицательных последствий для правонарушителя» [30, с. 98].

Таким образом, гражданско-правовой ответственности должно быть присуще возложение на правонарушителя дополнительного имущественного обременения, которое будет выступать базой для восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего.

Классической характеристикой признака дополнительного имущественного обременения можно считать определение О. С. Иоффе, который указывал, что «гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей».

В целом одностороннему изменению и расторжению договора признак дополнительного имущественного обременения не присущ. При одностороннем расторжении двусторонне-обязывающего договора если и можно говорить о лишении нарушителя субъективного права, то оно в любом случае происходит при одновременном прекращении обязанности, которую он нарушил. То есть нарушитель одновременно и обременяется, и освобождается от бремени. Поэтому сложно говорить об умалении имущественной массы

нарушителя при одностороннем расторжении таких договоров. Что касается расторжения односторонне-обязывающих договоров, то у нарушителя такого договора субъективных прав нет изначально, следовательно, и дополнительного бремени на него не возлагается.

При одностороннем изменении договора, как уже отмечалось, права и обязанности сторон сохраняются в измененном виде. Следовательно, о лишении права или возложении новой обязанности речи здесь идти не может. Однако изменение обязанности правонарушителя может иметь неблагоприятный для него характер. Например, при невыполнении заемщиком предусмотренных договором займа обязанностей по обеспечению возврата суммы займа, а также при утрате обеспечения или ухудшении его условий по обстоятельствам, за которые займодавец не отвечает, займодавец вправе потребовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов, если иное не предусмотрено договором (ст. 813 ГК РФ). Однако в приведенном примере неблагоприятное последствие не означает увеличения объема имущественного предоставления со стороны нарушителя, т. е. не имеет имущественного характера, поэтому дополнительным имущественным обременением не является [42, с. 57].

Представляется, что по общему правилу одностороннее изменение договора не может влечь дополнительное имущественное обременение, поскольку изменение правоотношения — это один из вариантов реализации его динамики. Согласно ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Таким образом, установление прав и обязанностей законом отличается от их изменения. Изменение договора, как правило, не может порождать новое обязательство. А именно обязательства опосредуют переход имущества от одного лица к другому. Таким образом, изменение договора не может являться причиной перехода имущества от одного лица к другому, если законом или договором такое правовое последствие прямо не связано с фактом изменения договора.

Отнесение одностороннего изменения и расторжения договоров при нарушении договорного обязательства к мерам защиты, как уже отмечалось, означает, что для применения этих мер не требуется, чтобы нарушение договорного обязательства было совершено при наличии вины нарушителя (или иных оснований ответственности). Однако определенные вопросы в связи с этим возникают при рассмотрении такого основания одностороннего изменения и расторжения договоров, как существенное нарушение договора.

Согласно ст. 25 Венской Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, «нарушение договора, допущенное одной из сторон, является существенным, если оно влечет за собой такой вред для другой стороны, что последняя в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать на основании договора, за исключением случаев, когда нарушившая договор сторона не предвидела такого результата и разумное лицо, действующее в том же качестве при аналогичных обстоятельствах, не предвидело бы его». То есть в Конвенции указывается на субъективную сторону существенного нарушения договора. При этом, согласно ст. 49 и 63 указанной Конвенции, при существенном нарушении договора международной купли-продажи товаров его стороны могут заявить о расторжении договора [66, с. 53].

М. И. Брагинским была высказана точка зрения: «Одно из принципиальных отличий Венской конвенции от Кодекса состоит в том, что она увязывает возможность расторжения договора с решением вопроса об упречности поведения контрагента». Действительно, содержащееся в ст. 450 ГК РФ определение существенного нарушения договора не содержит упоминания об ограничении случаев существенного нарушения договора ситуациями, за которые сторона, нарушившая договор, отвечает. Однако необходимо признать, что правоприменительная практика уже достаточно давно исходит из необходимости учета субъективной стороны существенного нарушения договора для решения вопроса об его изменении или расторжении [64, с. 82].

Так, по одному из дел комитет по управлению муниципальным имуществом обратился в арбитражный суд с требованием о расторжении договора купли-продажи имущества мастерской по ремонту обуви, ссылаясь на то, что покупатель существенно нарушил условие о сохранении профиля предприятия в течение 15 лет после заключения договора. Арбитражный суд первой инстанции иск удовлетворил. Арбитражный суд кассационной инстанции отменил решение арбитражного суда первой инстанции и в иске отказал. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ оставил решение суда кассационной инстанции без изменения, при этом в обоснование вывода об отсутствии в данном случае существенного нарушения договора он указал: «Занимаемые ответчиком помещения нуждались в капитальном ремонте, и производственная деятельность мастерской по ремонту обуви была прекращена по независящим от нее причинам».

По другому делу арбитражный суд кассационной инстанции в своем постановлении прямо указал: «Нарушение условий договора может являться основанием к расторжению договора только в том случае, когда имеются основания для применения мер ответственности за это нарушение. При отсутствии таких оснований договор не может расторгаться в связи с его нарушением — на основании подп. 1 п. 2 ст. 450 Гражданского кодекса Российской Федерации, что не исключает его расторжения по другим основаниям, в частности, в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора». Нужно отметить, что в подп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ говорится именно о существенном нарушении договора.

Представляется, что подход правоприменительной практики к решению обозначенного вопроса более правилен. При этом субъективную сторону существенного нарушения договора следует принимать во внимание, потому что одностороннее изменение и расторжение договоров при их существенном нарушении являются мерами ответственности.

Как уже отмечалось, основным препятствием для признания одностороннего изменения и расторжения договоров мерами ответственности является отсутствие дополнительного имущественного обременения для правонарушителя при их совершении. Однако в случае одностороннего изменения или расторжения договора при его существенном нарушении императивная норма закона устанавливает специфическое правовое последствие — возникновение у правонарушителя обязанности возместить убытки, причиненные таким изменением или расторжением договора (п. 5 ст. 453 ГК РФ).

Обязанность по возмещению этих убытков, безусловно, является имущественной. Она возникает у нарушителя договора в момент его изменения или расторжения, т. е. является непосредственным последствием применения этих мер ответственности, наделяя их признаком обременительности. При этом данные убытки выплачиваются потерпевшему, следовательно, одностороннее изменение и расторжение договора создает базу для восстановления нарушенных интересов потерпевшей от нарушения договора стороны.

При анализе предложенной характеристики обременительности одностороннего изменения и расторжения договоров возможны два возражения. Первое возражение касается вопроса о том, может ли содержание одной меры ответственности составлять другая мера ответственности, ведь возмещение убытков само по себе является мерой ответственности. Ответна этот вопрос однозначен: нет, не может. Однако в данном случае об этом и не говорится: возмещение убытков, предусмотренных п. 5 ст. 453 ГК РФ, мерой ответственности не является.

Общепризнанно, что основанием гражданско-правовой ответственности является правонарушение (оставляя вопрос о значении вины для признания деяния правонарушением за рамками настоящего исследования, отметим, что безвиновная по общему правилу ответственность предпринимателей, установленная п. 3 ст. 401 ГК РФ, свидетельствует о том, что гражданское правонарушение может быть совершено без вины, иначе не исполнившие

договор предприниматели практически никогда не будут рассматриваться как правонарушители, что, очевидно, неправильно). Возмещение убытков, являющееся мерой ответственности, также применяется при совершении правонарушения. Согласно п. 1 ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере [57, с. 230].

Однако основанием возникновения убытков, предусмотренных п. 5 ст. 453 ГК РФ, является изменение или расторжение договора. Изменение и расторжение договора — это правомерные действия, поскольку возможность их осуществления предусмотрена законом. Пункт 5 ст. 453 ГК РФ не является единственным случаем, когда закон устанавливает, что вследствие совершения правомерного действия могут быть взысканы убытки. Аналогичная норма закреплена в ст. 717 ГК РФ, в которой установлено, что заказчик в любое время до сдачи ему результата работ может отказаться от исполнения договора подряда, возместив подрядчику убытки, причиненные прекращением договора, в пределах разницы между ценой, определенной за всю работу, и частью цены, выплаченной за выполненную работу. В данном случае нарушение вообще отсутствовало как таковое, но убытки возмещаются. Признать такие убытки мерой ответственности нельзя, как и распространять на них правила ст. 401 ГК РФ, поскольку инициатор изменения или расторжения договора специально преследовал цель изменить или прекратить обязательство. Но говорить в этом случае об умысле на совершение правомерного деяния абсурдно.

Стоит отметить, что рассматриваемый вид убытков является исключением из правила, о котором, в частности говорил Б. С. Антимонов: «Все исследователи признают неустойку и возмещение убытков санкциями по договору и договорной ответственностью, какими они действительно и являются». Очевидно, законодательне счел нужным вводить новый термин для обозначения этого явления, поскольку состав убытков от правомерных действий определяется так же, как и состав убытков — мерой ответственности.

Но природа убытков от изменения или расторжения договора при его существенном нарушении иная, чем у традиционно понимаемых убытков. Это позволяет утверждать, что они составляют то дополнительное имущественное обременение, которое вызывает одностороннее изменение или расторжение договора как мера ответственности [59, с. 553].

Второе возражение затрагивает вопрос о том, всегда ли изменение или расторжение договора при его существенном нарушении будет влечь возникновение убытков. Представляется, что изменение и расторжение договора всегда накладны для иницирующей их стороны. Так, по общему правилу одностороннее изменение и расторжение договора при существенном нарушении его другой стороной производится в судебном порядке (п. 2 ст. 450 ГК РФ), а, значит, всегда связано с произведением расходов. Но даже при внесудебном изменении или расторжении договоров сторонам приходится производить целый ряд расходов — от расходов на уведомление контрагента об изменении или расторжении договора до затрат на совершение сделки «взамен» расторгнутой, в том числе на менее выгодных условиях, чем условия расторгнутого договора.

Таким образом, одностороннее изменение и расторжение договоров при их существенном нарушении всегда являются мерами ответственности и могут производиться только при наличии оснований, указанных в ст. 401 ГК РФ.

В связи с изложенными доводами возникает вопрос, как можно защитить интересы контрагента не отвечающей за неисполнение обязательства стороны договора. Представляется, что в данном случае возможно применение п. 2 ст. 405 ГК РФ, согласно которому, если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков. Убытки, предусмотренные данной нормой, уже являются мерой ответственности, поскольку их основание — просрочка, т. е. правонарушение. Если должник не отвечает за неисполнение, то и эти убытки он возмещать не будет. В то же время отказ от принятия исполнения здесь будет выступать мерой защиты, которая может быть

применена независимо от того, отвечает должник за нарушение или нет [53, с. 96].

Еще один важный вопрос — возможность признания иных случаев одностороннего изменения или расторжения договора мерами ответственности. В. В. Ровный отмечает: «Квалификация расторжения договора (отказа от него) как меры ответственности не вызывает сомнений в тех случаях, когда создает для нарушителя очевидные обременения. Однако нельзя назвать ответственностью расторжение договора по причине его заведомого неисполнения или ненадлежащего исполнения, совершенного стороной, к примеру, ради освобождения от ставших невыгодными обязательств».

Представляется, что одностороннее изменение или расторжение договора вследствие его нарушения, не являющегося существенным, будет выступать мерой ответственности, когда законом или договором с таким изменением или расторжением прямо будет связываться умаление в имущественной сфере нарушителя в пользу потерпевшего. Например, в договоре поставки может быть предусмотрено условие о том, что покупатель имеет право в одностороннем порядке уменьшить размер выплачиваемой цены товара на согласованную величину, если поставщик просрочит исполнение своего обязательства. Такое условие нельзя рассматривать как неустойку, поскольку последняя является денежной суммой, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства (п. 1 ст. 330 ГК РФ). В приведенном же примере не должник выплачивает сумму, а кредитор, одновременно сам выступающий в правоотношении, возникшем из взаимного договора, как должник, исполняет свое обязательство в меньшем размере. Разница в ценах по первоначальному и измененному в одностороннем порядке договору и будет составлять дополнительное обременение для поставщика, нарушившего договор [54, с. 32].

В приведенном примере одностороннее изменение договора осуществляется без обращения в суд. Такая ситуация возможна и при одностороннем изменении или расторжении договора вследствие его

существенного нарушения (например, согласно п. 1 ст. 523 ГК РФ). В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать мерами ответственности одностороннее изменение и расторжение договора, осуществляемые без обращения к государственному принуждению? Иначе говоря, возможна ли реализация гражданско-правовой ответственности без государственного принуждения?

Известно, что ряд авторов признавали государственное принуждение имманентным признаком ответственности. Так, С. Н. Братусь определял юридическую ответственность как «опосредованное государственным принуждением исполнение обязанности». При этом он отмечал: «Добровольное же исполнение обязанности юридической ответственностью не является».

В. П. Грибанов относил меры гражданско-правовой ответственности к правоохранительным мерам «государственно-принудительного характера, применение которых входит в компетенцию рассматривающих спор государственных и общественных органов».

В то же время в отечественной цивилистике достаточно широко распространено мнение о том, что возможность государственного принуждения обеспечивает применение мер гражданско-правовой ответственности, но непосредственное принуждение не является при этом необходимым. О. С. Иоффе указывал, что «в случаях привлечения к ответственности всегда должно иметь место реальное принуждение, в то время как применение гражданско-правовых санкций знает ряд изъятий из этого правила и иногда осуществляется не на основе прямого принуждения, а лишь благодаря его возможности...»[50, с. 212].

Более правильной представляется последняя точка зрения, что, во-первых, объясняется природой частного права: «Специфика добровольности гражданско-правовой ответственности объективно основывается на частном характере отношений, на частных интересах их участников, на заметной отстраненности от данной сферы всех третьих лиц (в том числе публичных органов), на известной диспозитивности в установлении мер ответственности и

привлечении к ним, а также на имущественно-компенсационном характере последствий, направленных в пользу конкретного потерпевшего...».

И, во-вторых, добровольная реализация ответственности не меняет охранительного характера отношений, в рамках которых она реализуется. Так, соглашение о выплате нарушителем убытков не является гражданско-правовым договором, поскольку не устанавливает, не изменяет и не прекращает гражданских прав и обязанностей. Обязанность по возмещению убытков возникла в момент правонарушения. Стороны же в указанном соглашении лишь фиксируют уже произошедший факт. Следовательно, правоотношение при заключении такого соглашения остается охранительным. А само такое соглашение нельзя расценивать как отступное, новацию или иное основание прекращения старого и возникновения нового обязательства. При этом нужно учитывать, что если соглашение предусматривает сумму убытков, большую фактически причиненных, то его уже можно рассматривать как договор. Данный договор будет являться договором дарения, и речи об ответственности в этом случае вести уже будет нельзя [52, с. 114].

Таким образом, гражданско-правовая ответственность может реализовываться без государственного принуждения, следовательно, одностороннее изменение и расторжение договоров во внесудебном порядке (отказ от исполнения договора полностью или частично) также может быть мерой ответственности. В связи с этим возникает следующая проблема. Односторонний отказ от исполнения договора принято считать мерой оперативного воздействия. Меры оперативного воздействия традиционно противопоставляются мерам ответственности. В случае же признания отказа от исполнения договора мерой оперативного воздействия эти два антипода сольются в одном явлении, что нельзя признать конструктивным решением.

Представляется все же, что односторонний отказ от исполнения договора, являющийся мерой ответственности, не может быть признан мерой оперативного воздействия, поскольку не обладает всеми признаками этих мер.

Специфические признаки мер оперативного воздействия, существование которых широко признается в отечественной цивилистике, были сформулированы В. П. Грибановым. Он выделял пять особенностей указанных мер. Во-первых, эти меры являются правоохранительными и имеют в значительной степени превентивное, предупредительное значение. Во-вторых, они применяются самим управомоченным субъектом. В-третьих, они обладают специфическими гарантиями их применения, вызванными разнообразием этих мер и предусматривающими возможность оспаривания правильности их применения в уполномоченных органах. В-четвертых, применение этих мер влечет наступление для нарушителя невыгодных последствий, однако не непосредственно, а в конечном счете. При положительной же реакции со стороны нарушителя применение этих мер может и не повлечь за собой невыгодных последствий. Наконец, в-пятых, главной функцией мер оперативного воздействия является не восстановление нарушенных прав, а обеспечение надлежащего исполнения обязанностей.

В литературе была высказана точка зрения, что односторонний отказ от исполнения договора не обладает первой и последней из перечисленных особенностей мер оперативного воздействия: «Вследствие того, что договор в результате отказа от его исполнения прекращается (одновременно прекращаются права и обязанности, возникшие из него), с одной стороны, отсутствует какой-либо обеспечительный элемент в соответствующем праве, а с другой — нельзя говорить о превентивном характере соответствующего действия...». Представляется, что с данным мнением можно согласиться частично. Превентивный характер мер оперативного воздействия, исходя из указанного выше подхода В. П. Грибанова, можно признать лишь факультативным признаком данных мер. Его отсутствие не свидетельствует о том, что та или иная мера не может быть отнесена к мерам оперативного воздействия. Что касается обеспечительной функции, то она свойственна, например, такой мере ответственности, как неустойка. Известно, что уплата неустойки может освободить должника от исполнения обязательства в натуре

(п. 2 ст. 396 ГК РФ), т. е. обязанность должника тоже прекратится. Однако представляется, что неустойка при этом останется способом обеспечения исполнения обязательств. Сама возможность отказа от договора в случае его нарушения выполняет обеспечительную функцию. Другое дело, что обеспечительная функция для одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, выступающего мерой ответственности, не является главной. Функция восстановления положения потерпевшего за счет обременения нарушителя для этой меры будет иметь большее значение [40, с. 65].

Кроме того, односторонний отказ от исполнения договора полностью или частично, выступающий мерой ответственности, вызывает неблагоприятные имущественные последствия для правонарушителя непосредственно. При отказе от договора в связи с его существенным нарушением имущественная обязанность по возмещению убытков на основании п. 5 ст. 453 ГК РФ возникает в момент изменения или расторжения договора. Не возникнуть данная обязанность не может, и поведение нарушителя никак не может повлиять на ее возникновение. Аналогичная ситуация имеет место и в случаях, когда законом или договором предусматриваются иные неблагоприятные имущественные последствия одностороннего отказа от исполнения договора. Следовательно, у отказа от исполнения договора как меры ответственности отсутствует четвертая, выделенная В. П. Грибановым особенность мер оперативного воздействия [45, с. 332].

Представляется, что случаи отказа от исполнения договора, являющиеся мерами защиты в отличие от случаев отказа от исполнения договора, являющихся мерами ответственности, могут быть отнесены к мерам оперативного воздействия, поскольку обладают всеми признаками этих мер.

Завершая рассмотрение вопроса о соотношении одностороннего изменения и расторжения договоров с системой способов защиты гражданских прав, необходимо указать, что случаи одностороннего изменения или расторжения договора, основанием которых не является правонарушение, не

входят в данную систему. Это объясняется отсутствием при их совершении нарушенных или оспоренных гражданских прав или законных интересов, которые они могли бы защищать. К таким случаям относятся, например, изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора (ст. 451 ГК РФ), и расторжение договора поручения, отказаться от которого любая из его сторон может в любое время (п. 2 ст. 977 ГК РФ).

Таким образом, одностороннее изменение и расторжение договоров частично входит в систему способов защиты гражданских прав (только в случаях, когда основанием для их применения является правонарушение). Одностороннее изменение и расторжение договора является мерами ответственности в случаях, когда их основанием выступает существенное нарушение договора, а также когда в соответствии с законом или договором одностороннее изменение или расторжение договора влечет имущественные потери для нарушителя в пользу потерпевшего. Во всех остальных случаях одностороннее изменение и расторжение договора при нарушении договорного обязательства является мерами защиты. К мерам оперативного воздействия можно отнести только применяемый в связи с совершением правонарушения односторонний отказ от исполнения договора полностью или частично, не являющийся мерой ответственности.

ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОДНОСТОРОННЕГО ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРОВ

2.1. Влияние одностороннего изменения и расторжения договоров на договорное обязательство

Постановлением Пленума Верховного суда РФ № 54 от 22.11.2016 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах и их исполнении» даны разъяснения применения норм гражданского законодательства, претерпевших в последнее время существенные изменения и дополнения. Положения постановления Пленума будут интересны как юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, так и гражданам, вступающим в договорные отношения, не связанные с предпринимательской деятельностью.

Особое внимание в указанном документе уделено праву участников договорных правоотношений на односторонний отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий.

Отказ или одностороннее изменение условий возможен, если он предусмотрен законом или договором. Правомерный отказ от договора (изменение условий) считается совершенным с момента получения другой стороной надлежащего уведомления, если иное не следует из закона, договора, обычая либо практики, установившейся во взаимоотношениях сторон. В Постановлении сделана оговорка о том, что уведомление об одностороннем отказе считается доставленным по правилам ст.165.1 ГК РФ, т.е. когда адресат не получил или не ознакомился с корреспонденцией по причинам, зависящим от него самого [27, с. 338].

Злоупотребление правом на отказ от исполнения обязательства или одностороннее изменение его условий может повлечь отказ в судебной защите данного права полностью или частично, в том числе признания одностороннего отказа (изменения условий) ничтожным. В качестве примера, в постановлении

Пленума приведен пример отказа во взыскании процентов по банковскому кредитному договору в случае одностороннего непропорционального увеличения банком процентной ставки.

Включение в условия договора обязанность стороны, правомерно отказавшейся от исполнения обязательств (изменившей их условия), уплатить определенную денежную сумму другой стороне возможно, только если императивной нормой не установлен запрет. В противном случае такое условие является ничтожным. В качестве примера можно привести неправомерные включения застройщиками в договоры участия в долевом строительстве штрафные санкции для дольщиков за одностороннее расторжение договора. В исключительном случае, когда несоответствие размера денежной компенсации при одностороннем отказе от исполнения обязательства (изменении его условий), а также заведомом недобросовестном осуществлении своего права требовать денежной суммы в таком размере будет доказано, суд может отказать полностью или в части в ее взыскании [16, с. 74].

Об исполнении обязательств надлежащему лицу. Право должника требовать доказательств того, что он исполняет обязательство надлежащему лицу закреплено законом. Должник вправе требовать предоставления доказательств наличия соответствующих полномочий у лица, принимающего исполнение. В случае отказа предоставить такие доказательства (например, надлежащим образом оформленную доверенность), должник вправе не исполнять обязательства до получения подтверждения того, что исполнение принимается надлежащим лицом. При этом он не считается просрочившим (однако, фиксировать свое требование предоставить указанные доказательства, иначе просрочка не будет признана в случае спора уважительной). Обязательство, связанное с личностью должника также может быть исполнено третьим лицом, если оно просрочено.

Если кредитор знает или должен знать, что исполнение возложено должником на третье лицо, либо это третье лицо может утратить свое право на имущество должника, вследствие обращения взыскания на него, то в случае

отказа принять исполнение за должника от указанного третьего лица при просрочке должником исполнения обязательства, то кредитор будет считаться просрочившим. В случае, когда исполнение обязательства было возложено на третье лицо, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства этим лицом несет должник.

Платежи в валюте, предусмотренные договором, осуществляются в соответствии с действующим законодательством в рублях. Постановление дает разъяснения о том, как следует осуществлять расчеты в различных ситуациях, связанных с установленной в договоре иностранной валютой платежа. В судебных актах по искам о взыскании денежных сумм, которые должны быть оплачены в рублях, но выражены в эквивалентной определенной сумме иностранной валюте, а также в условных единицах, в резолютивной части решения должно быть отражено в обязательном порядке: размер сумм в валюте и указание об оплате в рублях; процентная ставка и размер неустойки, начисляемых на указанную сумму; точный период в течение которого она начисляется; указание на момент, на который должен определяться курс и наименование органа, устанавливающего этот курс.

В отношении очередности погашения требований по денежным обязательствам, предусмотренной ст.319 ГК РФ, важное разъяснение дано о процентах: в указанной статье речь идет о процентах, которые являются платой за пользование денежными средствами (ст.317.1, 809, 823 ГК РФ), а не о процентах, являющихся мерой гражданско-правовой ответственности (ст.395 ГК РФ) и потому погашающихся после основного долга. Изменить порядок очередности погашения требований можно соглашением сторон, однако исключительно те требования, о которых идет речь в ст.319 ГК РФ.

Очередность погашения однородных требований, предусмотренная ст.319.1 ГК РФ, соблюдается в отношении любых обязательств независимо от оснований их возникновения, возникшим как из одного договора, так и по нескольким договорам.

При наличии однородных обязательств с истекшим сроком давности и не истекшим сроком без указания должником в счет какого из них осуществлено исполнение, исполненное будет засчитано в пользу требований, по которым срок давности не наступил, в порядке, установленном ч.2 и 3 ст. 319.1 ГК РФ.

Одно из условий договора, на наличие которого многие компании обращают внимание при его подписании — это положение о выходе из договорных отношений в одностороннем порядке. Если сторона заинтересована в получении реальной возможности реализовать впоследствии это право, важно при согласовании текста договора уделять пристальное внимание не только наличию такого пункта, но и его формулировкам [14, с. 127].

Односторонний отказ отличается от расторжения договора в одностороннем порядке: это заявление, которое прекращает действующий договор. По словам спикера, разграничение отказа от расторжения имеет важное практическое значение. Дело в том, что стороны контракта часто смешивают эти два способа прекращения договора и формулируют договорное условие следующим образом: «сторона вправе в одностороннем порядке потребовать расторжения договора». В этом случае сложно однозначно определить, о чем они договорились. Слово «одностороннее» говорит о том, что это отказ, а слово «расторжение» указывает на соглашение сторон или решение суда. Тем самым, наличие такого пункта в договоре влечет риски судебной интерпретации договора — неизвестно, как это положение интерпретирует в случае спорной ситуации суд.

Так, еще одна возможность предусмотреть в договоре обязанность инициатора выхода из договора по выплате определенную денежную сумму при одностороннем отказе от исполнения обязательства или одностороннем изменении условий такого обязательства (п. 3 ст. 310 ГК РФ).

В одном из дел по условиям долгосрочного договора аренды, зарегистрированного в Росреестре, при невнесении арендатором установленной оплаты, арендодатель был вправе в одностороннем порядке потребовать расторжения договора. Арендодатель написал арендатору письмо о

расторжении договора и обратился в Росреестр для погашения записи. Росреестр отказал в регистрации расторжения договора, поскольку истолковал условие договора таким образом: стороны имели в виду именно расторжение (хотя и одностороннее), а в соответствии с ГК РФ расторгнуть договор можно по только соглашению сторон или по решению суда. Но Президиум ВАС РФ с таким толкованием не согласился и указал, что в выражении «одностороннее расторжение» надо делать смысловой акцент на слове «одностороннее» — толковать его как договоренность сторон об отказе. В этом споре Росреестр и первые инстанции предпочли буквальное толкование, а Президиум ВАС РФ заглянул глубже и установил, о чем стороны договорились на самом деле [15, с. 46]

Истоки борьбы по установлению платы за отказ от договора коренятся в ст. 782 ГК РФ, в которой предусмотрено, что заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов. Другой подход проявляется в ст. 717 ГК РФ, согласно которой заказчик по договору подряда вправе в любое время до сдачи ему результата работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе от исполнения договора, если иное не предусмотрено договором подряда.

Как видно, в норме о подряде есть диспозитивная оговорка — подрядчик вправе потребовать возмещение сверх фактически понесенных расходов. В нормах об оказании услуг такой оговорки нет — тем самым, исполнитель может возместить только фактически понесенные расходы.

Скорее всего, п. 3 ст. 310 ГК РФ — это следствие взгляда нашей судебной системы на ст. 782 ГК РФ: многие судьи не согласны с тем, что ее положения можно в разумных пределах изменить в контракте. По нашему мнению, именно поэтому законодатель решил изменить ситуацию кардинально — уточнив этот момент в общих положениях ГК РФ. Благодаря поправкам ситуация должна измениться, но проблемы на практике, скорее всего, возникнут [12, с. 18].

Одна проблема заключается в том, что п. 3 ст. 310 ГК РФ не говорит о том, в каких случаях отказа возможно взыскание платы. На практике возможно развитие двух разных ситуаций:

– Первая — отказ мотивирован ненадлежащим поведением другой стороны. Например, подрядчик допускает просрочку по времени и очевидно, что вовремя договор не будет исполнен — это порождает право заказчика на отказ.

– Вторая — отказ вызван не поведением исполнителя, а желанием заказчика. На практике возможен такой вариант развития событий: договором подряда установлена цена за отказ от сделки, заказчик заявляет об отказе в связи с просрочками подрядчика, при этом подрядчик требует плату за отказ. По мнению спикера, чтобы избежать этого, суды должны редуцировать смысл п. 3 ст. 310 ГК РФ до случаев немотивированного отказа от сделки. При этом ясно понимая, что правила о плате за отказ нельзя применять, когда отказ вызван поведением другой стороны.

Другая проблема — в возможной избыточности платы за отказ, которая будет существенно нарушать принцип справедливости. Рецепт решения этой ситуации — в п. 9 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»: если плата за отказ существенно нарушает принцип добросовестности, ее можно снизить или отказать во взыскании платы полностью. Этим положением спикер порекомендовал вооружиться тем компаниям, которые являются слабыми сторонами в договоре.

Ст. 328 ГК РФ призвана препятствовать нарушению контрактов. Такая возможность была и до 1 июня 2015 года. Однако до поправок п. 1 ст. 328 ГК РФ был сформулирован следующим образом:

Встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое в соответствии с договором обусловлено исполнением своих обязательств другой стороной [13, с. 38].

С прежней формулировкой склонность судов к грамматическому толкованию закона вылилась в негативную практику. Они считали, что если в договоре не указано, что обязательство является встречным, ст. 328 ГК РФ не применяется. Теперь такое толкование должно уйти в прошлое: из этого пункта исключено выражение «в соответствии с договором».

В п. 2 ст. 328 ГК РФ «защито» право другой стороны в обменной операции отказаться от сделки, если она не получает встречного предоставления.

В случае непредоставления обязанной стороной предусмотренного договором исполнения обязательства либо при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что такое исполнение не будет произведено в установленный срок, сторона, на которой лежит встречное исполнение, вправе приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от исполнения этого обязательства и потребовать возмещения убытков

В этой норме заложена идея возмездного обмена: нарушение договора является основанием для выхода из сделки. Например, если арендатор не платит арендную плату, арендодатель вправе применить ст. 328 ГК РФ и заявить отказ от договора.

Во-первых, именно в ст. 450.1 ГК РФ (об одностороннем отказе от договора) проводится прямая связь между положениями этой статьи и ст. 310 ГК РФ о недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства. В ст. 450 ГК РФ отсылки к ст. 310 ГК РФ нет, и это не случайно. Дело в том, что ст. 310 ГК РФ допускает возможность установить предпринимательским договором собственного основания изменения его условий или отказа от него [61, с. 483].

Во-вторых, по практике, которая раньше складывалась по ст. 450 ГК РФ, односторонний отказ не обязательно должен быть чем-то обусловлен — оснований отказа может и не быть. Если мы признаем, что ГК РФ позволяет в предпринимательском договора устанавливать основания расторжения

договора, во внесудебном порядке (ст. 450.1 ГК РФ), то, скорее всего, нет препятствий и для установления собственных оснований расторжения этого договора в судебном порядке (ст. 450 ГК РФ) [29, С. 26].

Существует мнение, что для случаев расторжения и для случаев отказа должна быть градация: например, при расторжении в судебном порядке по ст. 450 ГК РФ нужно предусмотреть возможность установления каких-либо оснований для расторжения договора, а при отказе по ст. 450.1 ГК РФ возможно безусловное, немотивированное условие об отказе от договора. По мнению спикера, из закона не следует необходимость разделять основания для установления оснований расторжения в судебном порядке или отказа в договоре. Однако здесь нужно обратить внимание на различие в терминологии. Очень важно понять, в каком значении используется термин «обязательства» в ст. 310 ГК РФ. Если в значении «договор», то расхождений нет. Если же смысл более широкий, то в ст. 310 ГК РФ речь идет об одностороннем отказе от исполнения обязательства и об одностороннем изменении его условий, а в ст. 450 ГК РФ говорится об одностороннем отказе от договора полностью или частично. Получается, что частичный отказ — это, по сути, изменение условий договора? Можно ли поставить между этими понятиями знак равенства? Если да, то частичный односторонний отказ от договора может предоставлять стороне право изменить какое-то договорное условие на прямо противоположное. Позволяет ли ст. 450.1 ГК РФ утверждать, что на это есть право, так как это предусмотрено договором? Вот почему в этом случае разница в терминологии имеет существенное значение и вопросы пока остаются открытыми.

2.2. Возврат исполненного по договору до момента его одностороннего изменения или расторжения

Постановление Пленума ВАС РФ от 06.06.14 № 35 О последствиях расторжения договора [2] (далее постановление № 35) посвящено тем случаям, когда действуют общие правила, определяющие последствия прекращения договоров любого вида (а именно пункт 3 статьи 450 и статья 453 Гражданского кодекса), то есть когда закон не предусматривает специальных последствий и нет соглашения сторон, устанавливающего эти последствия.

Необходимость в разъяснении была связана с не вполне удачными формулировками вышеуказанных норм Гражданского кодекса: их буквальное толкование во многих случаях не позволяло достичь защиты нарушенных прав и интересов сторон. По сути, постановление № 35 представляет собой разбор последствий расторжения договоров в типичных наиболее распространенных ситуациях [60, с. 218].

Для применения правовых позиций из постановления № 35 важно понимать, что они распространяются на любые случаи прекращения договорной связи как путем расторжения по соглашению сторон или по решению суда, так и путем одностороннего волеизъявления (отказа от договора), когда оно влечет прекращение договора. Разница в этих способах прекращения договорной связи не имеет значения для последствий ее прекращения (п. 1 постановления № 35).

В правовых порядках разных стран существует два подхода к последствиям расторжения договора. Первый подход ретроспективный: считается, что договора как будто не было вовсе и стороны должны вернуть друг другу все, что было передано по этому договору. Второй подход (проспективный) предполагает, что договор прекращается лишь на будущее время. Соответственно, стороны не должны возвращать друг другу то, что уже было исполнено до расторжения договора.

В российском гражданском законодательстве избрана перспективная модель, но формулировки соответствующих норм нельзя признать удачными. Согласно пункту 2 статьи 453 Гражданского кодекса, при расторжении договора обязательства сторон прекращаются, а в соответствии с пунктом 4 той же статьи стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон. Буквальное понимание этих формулировок поначалу привело к довольно странной судебной практике.

Если по расторгнутому договору одна сторона передала имущество в собственность другой стороне, которая затем должна была вернуть имущество такого же рода и качества (например, это договор займа или хранения товара с обезличением), то отношения сторон при расторжении такого договора регулируются его условиями о порядке исполнения обязательства по возврату имущества, а также соответствующими нормами закона (п. 9 постановления № 35). Иными словами, обязательство стороны по возврату полученных денег или иного имущества является договорным, а не кондикционным. Кроме того, прямо предусмотрено, что все условия расторгнутого договора о процентах, неустойке, а также все обеспечения обязанности по возврату имущества сохраняются до полного исполнения этой обязанности [20, с. 55].

Последствия буквального толкования пункта 4 статьи 453 ГК РФ. Практически сразу после вступления в силу первой части Гражданского кодекса в судебной практике выявилась следующая проблема. Представим, что заключен договор, по нему перечислен аванс, затем договор расторгнут или одна из сторон от него отказалась (когда такой отказ допустим по закону или условиям самого договора). Аванс не отработан или отработан не полностью, то есть другая сторона не представила встречное исполнение на сумму полученного аванса. Возникает вопрос: может ли сторона, перечислившая аванс, потребовать его возврата в неотработанной части? Если понимать пункт 4 статьи 453 Гражданского кодекса буквально, то не может (и примеры такого грамматического толкования этой нормы в судебной практике встречались). Но

совершенно очевидно, что такое последствие несправедливо для стороны, перечислившей аванс, тем самым нарушаются ее интересы: у нее не было намерения одарить контрагента, а у ее контрагента нет экономических оснований для того, чтобы обогатиться за счет нее, поскольку встречного представления не было [22, с. 85].

Обнаружив эту проблему, Президиум ВАС РФ предложил применять в таких ситуациях нормы о неосновательном обогащении. Так появился пункт 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении (далее обзор № 49), в котором сказано, что при расторжении договора сторона не лишена права истребовать ранее исполненное, если другая сторона неосновательно обогатилась [58, с. 322].

Недостатки тотального применения норм о неосновательном обогащении. Чем больше появлялось в судебной практике споров о расторжении договоров с разными фабулами, тем яснее становилось, что применение норм о неосновательном обогащении не всегда удачное решение.

Особенно заметно это в случаях, когда возникал вопрос об акцессорном обязательстве. Например, заключен договор поставки с условием о неустойке за просрочку оплаты. Товар отгружен, принят покупателем, но не оплачен. Затем поставщик отказался от договора из-за неисполнения обязательства по оплате. Исполненное поставщиком обязательство по передаче товара оказалось без встречного предоставления. Если суд взыщет с покупателя стоимость товаров как неосновательное обогащение, то за задержку платежа поставщику могут присудить максимум проценты по статье 395 Гражданского кодекса (п. 2 ст. 1107 ГК РФ). На договорную неустойку он рассчитывать не может, ведь если исходить из того, что с расторжением договора обязательства сторон прекратились, то прекратилось и акцессорное обязательство покупателя уплатить неустойку за просрочку платежа [56, с. 389].

Еще один пример: представим, что обязательства покупателя в описанной ситуации были обеспечены поручительством. После расторжения договора

поставщик видит, что у покупателя не очень надежное финансовое положение и деньги за товар лучше потребовать с поручителя. Но он не может этого сделать, если руководствоваться идеей о том, что в связи с расторжением договора обязательства по этому договору прекратились и возникают лишь обязательства из неосновательного обогащения. Ведь прекращение основного обязательства влечет и прекращение поручительства (п. 1 ст. 367 ГК РФ). Справедливо? Вряд ли, потому что поставщик не может получить в полном объеме то, на что он мог бы рассчитывать в части встречного представления, если бы договор продолжал действовать, хотя свои обязательства по договору он выполнил в полном объеме [23, с. 71].

Иное толкование пункта 4 статьи 453 ГК РФ. Проанализировав накопившуюся неудачную судебную практику, через несколько лет после появления обзора № 49 в другом информационном письме Президиум ВАС РФ указал, что расторжение договора влечет прекращение обязательств на будущее время, но не лишает кредитора права требовать с должника образовавшиеся до момента расторжения договора суммы основного долга и имущественных санкций в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением договора (п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.12.05 № 104 Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств, далее обзор № 104).

Например, в пункте 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13.09.11 № 147 есть прямая фраза о том, что положения кредитного договора, прекращенного на будущее, распространяются на обязательство заемщика по возврату средств, которые он уже получил по этому договору.

Иными словами, идея этого подхода в том, что после расторжения договора его нет на будущее поставщик больше не должен отгружать товары, подрядчик больше не должен выполнять работы, исполнитель не обязан оказывать услуги, банк не обязан выдавать новые кредитные транши и т. д., но долги, которые образовались к моменту расторжения договора, сохраняют договорный характер, а не превращаются автоматически в обязательства

изнеосновательного обогащения. То есть договор прекращается проспективно (на будущее), но с сохранением тех требований, которые уже сложились у сторон друг к другу к моменту расторжения [24, с. 130].

В дальнейшем эта идея получила развитие также в части обеспечения обязательств по расторгнутому договору: после расторжения договора, из которого возникли обязательства, обеспеченные залогом или поручительством, залог и поручительство продолжают обеспечивать те из них, которые не были исполнены и сохраняются после расторжения договора например, основную сумму долга и проценты по кредиту, задолженность по арендной плате (п. 26 постановления Пленума ВАС РФ от 17.02.11 № 10 О некоторых вопросах применения законодательства о залоге, п. 15 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.12 № 42 О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством).

В случае расторжения договора аренды арендатор обязан в разумный срок вернуть арендодателю объект аренды, а также уплатить установленную договором плату за пользование имуществом до дня фактического возвращения имущества арендодателю, а также убытки и неустойку за просрочку арендатора по день фактического исполнения им всех своих обязательств (ст. 622 ГК РФ). Фактически это положение пункта 8 постановления № 35 закрепило подход, который и раньше сложился в судебной практике.

Казалось бы, ВАС РФ постепенно перестал рассматривать последствия расторжения договоров через призму неосновательного обогащения. И вдруг в пункте 65 совместного пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29.04.10 № 10/22 О некоторых вопросах, связанных с защитой права собственности и других вещных прав (далее постановление № 10/22) снова использован этот вариант. Там указано, что в случае расторжения договора купли-продажи недвижимости продавец, не получивший оплаты, вправе требовать возврата переданного покупателю имущества по правилам о неосновательном обогащении [26, с. 73].

Системность в выработанной судебной практике. На первый взгляд может показаться, что практика ВАС РФ металась от идеи применять нормы о

неосновательном обогащении к последствиям расторжения договора к идее не применять их. Но это не так: в действительности практика развивалась системно. Просто при расторжении договоров бывает несколько разных типичных ситуаций (назовем их сценариями) с разными последствиями.

Первый типичный сценарий когда одна сторона передала имущество по договору (например, деньги или товар), вторая сторона свои обязательства не исполнила, из-за этого договор расторгается, и первая сторона требует вернуть ей то, что она передала. В этих случаях ВАС РФ как раз применял нормы о неосновательном обогащении (п. 1 обзора № 49, п. 65 постановления № 10/22). Вторым сценарий когда в аналогичных обстоятельствах первая сторона требует не возврата того, что она передала по договору, а полагающегося ей встречного предоставления. Здесь уже речь идет об обязательстве, возникшем из договора.

В новом постановлении № 35 сохранен выработанный подход к толкованию пунктов 2 и 4 статьи 453 Гражданского кодекса: действие договора прекращается на будущее в части обязанности должника совершать те действия, которые являются предметом договора (отгружать товары, выполнять работы и т. д.), а пункт 4 о невозможности истребовать уже исполненное по расторгнутому договору применяется лишь в случаях, когда интересы сторон не нарушены их встречные обязательства к моменту расторжения полностью исполнены либо исполнены частично, но размеры встречного предоставления эквивалентны (п. 3, 4 постановления № 35) [51, с. 198].

При этом в постановлении № 35 используется более системный подход, который в настоящее время в развитых юрисдикциях является доминирующим: в связи с расторжением договора обязательства вступают в ликвидационную стадию, и в рамках этой стадии необходимо взвесить, кто кому остался должен [34, с. 275].

Выше были описаны два основных сценария расторжения договора. На практике типичных сценариев, конечно, гораздо больше. В новом постановлении № 35 собраны самые распространенные из них. Остановимся на некоторых подробнее.

Так, в пунктах 6.16.3 постановления № 35 рассмотрены последствия расторжения договора в ситуации, когда одна сторона передала другой какое-либо имущество, вторая сторона его не оплатила, договор расторгается, но имущество к этому времени погибло. Вопрос о том, должна ли вторая сторона компенсировать контрагенту стоимость этого имущества, решается в зависимости от ряда факторов, в частности от причины расторжения договора (по чьей вине это произошло).

Пункт 7 постановления № 35 касается ситуации, когда имущество, переданное по расторгнутому договору, до момента его расторжения было обременено (например, заложено). Если при расторжении договора имущество подлежит возврату стороне, которая его передала, возникает вопрос: сохраняется ли обременение? Постановление № 35 отвечает на этот вопрос утвердительно. Обременение сохраняется, потому что расторжение договора влечет не аннуляцию права собственности, которое было получено на основании данного договора, а возврат имущества и обратный переход права собственности. То есть у стороны, которая получает свое имущество назад, право собственности на него возникает производным способом (абз. 1 п. 2 ст. 218 ГК РФ). Соответственно, нет оснований сбрасывать обременения, которые были установлены за время, пока собственником этого имущества была другая сторона [55, с. 147].

Но нужно понимать, что появление обременения может повлиять на стоимость имущества, поэтому данное обстоятельство должно учитываться при установлении размера взаимных обязательств сторон в рамках ликвидационной стадии договора.

В случае расторжения договора по соглашению сторон в соглашении можно установить иные последствия расторжения, отличающиеся от тех, которые установлены в статье 453 ГК РФ, и, соответственно, от тех, которые указаны в постановлении № 3. Но при этом нужно учитывать общие ограничения свободы договора, определенные в постановлении Пленума ВАС

РФ от 14.03.14 № 16 О свободе договора и ее пределах (п. 2 постановления № 35).

2.3. Возмещение убытков, причинённых односторонним изменением или расторжением договора

Возмещение понесенных убытков – один из универсальных способов защиты гражданских прав, применяемых не только в договорных отношениях, но и в отношениях из причинения вреда и других действий, которые повлекли нарушение прав (действия органов).

Возмещение причиненных убытков представляет собой оплату вреда, который был нанесен чужому имуществу, выраженный в денежном эквиваленте [36, с. 113].

В новой редакции гл. 25 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), вступившей в силу с 1 июня 2015 г., появился целый ряд статей, требующих осмысления. Часть новых норм неизвестна не только нашему позитивному праву, но и правоприменительной практике (например, ст. 406.1, посвященная соглашению о возмещении потерь). Некоторые изменения лишь отчасти можно назвать новшествами, поскольку они во многом подготовлены судебным толкованием ГК РФ. К числу таковых, пожалуй, можно отнести новую ст. 393.1 ГК РФ, которая содержит удобные правила исчисления убытков при прекращении договора.

Во многом эта статья повторяет положения ст. 524 ГК РФ, которая действовала с 1996 г., однако решала ту же задачу упрощенного исчисления убытков при прекращении договора поставки. Суды достаточно давно пришли к выводу о том, что значение этих правил выходит далеко за пределы отношений поставки. Постепенно сформировалась практика применения данных положений по аналогии закона в иных договорных обязательствах.

Вместе с тем полного сходства между ст. 393.1 и ст. 524 ГК РФ нет. Определенные различия как раз связаны с тем, что разработчики стремились придать ст. 393.1 универсальный характер, позволяющий применять ее при прекращении любого договора.

Еще один важный аспект, который необходимо учитывать при уяснении смысла ст. 393.1 ГК РФ, заключается в том, что подходы к расчету убытков, закрепленные в данной статье, базируются на презумпции того, какие меры должен предпринять любой разумный и добросовестный кредитор для того, чтобы минимизировать негативные последствия нарушения договора. Эти вопросы решаются в ст. 404 ГК РФ, которая не привлекла к себе внимания реформаторов и осталась действовать в той же редакции, которая вступила в силу с 1 января 1995 г. В связи с этим важно интерпретировать положения ст. 393.1 во взаимосвязи со ст. 404 ГК РФ. Именно поэтому в настоящей работе предлагается системное толкование ст. 393.1 и ст. 404 ГК РФ. Поскольку данные нормы были во многом заимствованы из международных источников (в частности, Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, далее - Принципы УНИДРУА; Draft common frame of reference, далее - Модельные правила европейского частного права; Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, далее - Венская конвенция), немаловажным представляется также сравнить российские правила с международными аналогами.

Текущей ценой признается цена, взимаемая в момент прекращения договора за сопоставимые товары, работы или услуги в месте, где должен был быть исполнен договор, а при отсутствии текущей цены в указанном месте - цена, которая применялась в другом месте и может служить разумной заменой с учетом транспортных и иных дополнительных расходов.

Удовлетворение требований, предусмотренных пунктами 1 и 2 настоящей статьи, не освобождает сторону, не исполнившую обязательства или ненадлежаще его исполнившую, от возмещения иных убытков, причиненных другой стороне.

Статья 393.1 ГК РФ закрепляет два широко известных в международной практике метода расчета убытков при прекращении договора в ответ на нарушение договора: конкретный (исходя из разницы в цене прекращенного и нарушенного договора и конкретной заменяющей его сделки) и абстрактный

(исходя из разницы между ценой прекращенного нарушенного договора и средней рыночной ценой на аналогичный товар, работу, услугу). Их нельзя назвать полноценными новеллами нашего гражданского законодательства, поскольку практически дословно совпадающие правила можно обнаружить в нормах о договоре поставки (ст. 524 ГК РФ).

В доктрине и правоприменительной практике неоднократно отмечалось, что конкретный и абстрактный методы расчета убытков имеют универсальное значение и применимы не только в отношениях поставки (напр., Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 января 2014 г. N 13517/13). Например, арендатор, которому арендодатель долгое время не передает во владение и пользование арендованное имущество, может расторгнуть договор аренды и взыскать с арендодателя убытки в виде ценовой разницы между прекращенным договором и новым договором аренды аналогичного имущества. Соответственно, суды неоднократно применяли ст. 524 ГК РФ к иным договорным отношениям по аналогии закона, что само по себе означало наличие пробела в законе. С принятием ст. 393.1 ГК РФ этот пробел был ликвидирован и допустимость применения конкретного и абстрактного методов расчета убытков при расторжении нарушенного договора признана в качестве общего правила.

Взыскание таких убытков согласно буквальному смыслу комментируемой статьи возможно только в случае, если договор прекращается в связи с его неисполнением или ненадлежащим исполнением. По сути, положения ст. 393.1 ГК РФ конкретизируют положения п. 5 ст. 453 ГК РФ, предусматривающие право кредитора требовать взыскания убытков, вызванных расторжением договора в связи с существенным нарушением. Соответственно, если договор прекращается не в ответ на нарушение, а по иным основаниям (например, немотивированный отказ от договора бессрочной аренды по ст. 610 ГК РФ, расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств по ст. 451 ГК РФ и т.п.), взыскание указанных в данной статье убытков невозможно. Форма прекращения договора значения не имеет

(односторонний отказ от договора, расторжение договора в судебном порядке, автоматическое расторжение договора в случае нарушения договора).

Из того, что оба способа расчета убытков можно использовать лишь при расторжении нарушенного договора, не следует, что кредитор обязательно должен вначале расторгнуть договор и только потом требовать возмещения таких убытков. Кредитор может вполне осуществлять две эти меры одновременно. Во-первых, он вправе обратиться в суд с одним иском о расторжении нарушенного договора и взыскании таких убытков. Во-вторых, при наличии у кредитора права на односторонний отказ от договора сам факт предъявления требования (как в виде досудебной претензии, так и в форме иска) о взыскании убытков в виде конкретной ценовой разницы или абстрактных убытков имплицитно содержит в себе волеизъявление о отказе от договора. Выставляя должнику к оплате счет на покрытие таких убытков, кредитор четко демонстрирует, что нарушенный договор более не представляет для него интереса (см. п. 2 ст. 405 ГК РФ). Соответственно, даже при отсутствии формализованного отказа кредитора от нарушенного договора у судов есть основания удовлетворять требования о взыскании конкретных убытков.

Непосредственно в п. 1 комментируемой статьи закреплён метод расчета убытков в виде конкретной ценовой разницы. Для его применения необходим ряд условий.

Во-первых, нужно доказать заключение кредитором именно замещающей сделки. Таковой может считаться заключенная кредитором в разумный срок сделка, предметом которой является аналогичное исполнение. Если заказчик вместо расторгнутого договора строительного подряда заключил новый договор с иным подрядчиком на выполнение аналогичных строительных работ, это - замещающая сделка. Если же заказчик вообще передумал заниматься строительством объекта и купил готовое здание, такая сделка не является заменяющей. Это не лишает заказчика права требовать возмещения убытков, однако доказывать такие убытки заказчик будет не по правилам п. 1 ст. 393.1

ГК РФ (т.е. в упрощенном порядке), а по общим правилам ст. ст. 15 и 393 ГК РФ.

Во-вторых, условия замещающей сделки должны быть разумными. Несмотря на то что это прямо не упоминается в п. 1 комментируемой статьи, данный критерий закреплен в ст. 524 ГК РФ, послужившей прообразом для комментируемой статьи, а также в целом ряде международных источников (см. ст. III.-3:706 Модельных правил европейского частного права, ст. 7.4.5 Принципов УНИДРУА, ст. 75 Венской конвенции). Но главное состоит в том, что закон признает обязанность кредитора принять разумные меры по уменьшению убытков (п. 1 ст. 404 ГК РФ). Заключение замещающей сделки на разумных условиях как раз и является частным проявлением данной обязанности. Разумность означает, что условия замещающей сделки могут отличаться от среднерыночных, однако не слишком значительно. Так, не вызывает сомнений, что суд компенсирует кредитору разницу в цене, которая на 10 - 15% отличается от среднерыночной. Однако кредитор, как правило, вряд ли может рассчитывать на возмещение разницы, в несколько раз превышающей среднерыночные цены, даже если он на самом деле заключил замещающую сделку на таких условиях. Стремясь облегчить процесс взыскания убытков, Верховный Суд РФ (далее - ВС РФ) разъяснил, что разумность условий замещающей сделки в силу п. 5 ст. 10 и п. 3 ст. 307 ГК РФ предполагается. При этом должник не лишен возможности опровергать эту презумпцию, приводить доказательства неразумности действий кредитора (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. N 7).

Кредитором могут быть заключены несколько сделок, которые замещают расторгнутый договор, либо приобретены аналогичные товары или их заменители в той же или в иной местности и т.п. (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. N 7).

Заключение замещающей сделки до прекращения первоначального обязательства само по себе не влияет на право кредитора требовать возмещения убытков в виде ценовой разницы, если будет доказана причинная связь между

нарушением договора должником и заключением замещающей сделки. Кредитор вправе потребовать от должника возмещения таких убытков при условии, что впоследствии первоначальный договор был прекращен в связи с нарушением обязательства, которое вызвало заключение этой замещающей сделки (п. 13 Постановления Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. N 7).

В самой норме не указано прямо, но из общего принципа добросовестности (п. 3 ст. 1 и п. 3 ст. 307 ГК РФ) следует, что кредитор должен заключить замещающую сделку не позднее истечения разумного срока после расторжения нарушенного договора. Чем позже такая сделка заключается, тем более вероятно, что ее заключение не находилось в причинной связи с разрывом нарушенного договора. На требование разумного срока указывают и международные акты унификации частного права (ст. III.-3:706 Модельных правил европейского частного права, ст. 7.4.5 Принципов УНИДРУА).

Уже в Концепции развития гражданского законодательства РФ (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) отмечались существующие практические сложности при реализации положений ГК РФ о взыскании убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением договора. Несмотря на всем известные перипетии, через которые прошел и продолжает проходить проект реформы ГК РФ, предложения о реформе главы 25 в основном были поддержаны законодателем. Однако и здесь не обошлось без некоторых неожиданностей, появившихся в самый последний момент и получивших законодательное закрепление без сколько-нибудь серьезного обсуждения экспертами.

Несколько важных политико-правовых идей нашли отражение в ст. 393 ГК РФ, открывающей главу об ответственности за нарушение обязательств.

Во-первых, в законе появилось указание о том, что по общему правилу возмещение убытков не конкурирует с иными способами защиты нарушенных прав кредитора, то есть использование таких иных способов защиты не лишает кредитора права на возмещение убытков (абз. 2 п. 1 ст. 393 ГК РФ).

Вопреки высказанным в адрес этой нормы критическим замечаниям, она не отменяет принцип исключения двойной ответственности. Речь идет о том, что помимо мер ответственности, главной из которых является взыскание убытков, у кредитора зачастую имеются и другие способы защиты своих гражданских прав (ст. 12 ГК РФ). Среди них, в частности, присуждение к исполнению обязательства в натуре, расторжение нарушенного договора, приостановление исполнения обязательств и т.п. И в предшествующей редакции Кодекса не было запрета на одновременное расторжение договора и требования возместить убытки, но теперь законодатель снял все сомнения по данному вопросу.

Во-вторых, в той же ст. 393 появилась норма-определение, раскрывающая понятие полного возмещения убытков, под которым понимается ситуация, когда в результате возмещения убытков кредитор поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом. Сложно сказать, насколько данная норма стала новеллой, поскольку и раньше предполагалось, что убытки по общему правилу должны возмещаться в полном объеме. Однако как дополнительное пояснение для судов, традиционно скептически относящихся к размеру заявленных истцом убытков, такое пояснение, вероятно, будет полезным.

В-третьих, в п. 5 ст. 393 ГК РФ добавлена важнейшая норма о той степени достоверности, с которой истец должен доказывать размер причиненных убытков в суде. Однако и в том случае, когда установление точного размера убытков оказывается невозможным, но факт наличия убытков не вызывает сомнений, иск кредитора не может быть отклонен. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется самим судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства. Эта важнейшая норма призвана переломить сложившуюся судебную практику, когда суды отказывали в удовлетворении иска об убытках при наличии малейших сомнений в точности их расчета, представленного истцом.

Отметим, однако, что данный подход еще до реформы ГК РФ был закреплен в практике Президиума ВАС РФ. Так, в Постановлении Президиума ВАС РФ от 06.09.2011 N 2929/11 по знаменитому делу ЗАО "СМАРТС" суд подчеркнул следующее: "Суд не может полностью отказать в удовлетворении требования... о возмещении убытков... только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности". Тот же принцип был уже после изменений в ст. 393 ГК РФ расширен для убытков вообще в п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25.

Говоря о проблемах в доказывании размера убытков, нельзя не сказать и о колоссальных сложностях, с которыми сталкивались в судах истцы, пытавшиеся взыскать упущенную выгоду. Часто, отказывая в подобном иске, суды указывали на вероятностный характер представленного расчета истца, как основанного на предположениях без учета фактических обстоятельств, способных существенно повлиять на размер предполагаемого дохода.

Наконец ВС РФ в п. 14 Постановления N 25 указал: "Расчет, представленный истцом, как правило, является приблизительным и носит вероятностный характер. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием для отказа в иске". Мы надеемся, что в совокупности с новым п. 5 ст. 393 ГК РФ данные разъяснения снизят то неоправданное количество несправедливых решений, которое было вызвано требованием об абсолютной достоверности расчета убытков и доказательств каждого рубля заявленных убытков.

Еще одной нормой, призванной стимулировать, или, точнее сказать, реанимировать практику взыскания убытков в российском праве, стала вновь введенная норма об убытках при прекращении договора (ст. 393.1 ГК РФ). Данная статья не стала абсолютной новеллой в гражданском праве - по сути,

эта норма стала генерализацией аналогичной нормы ст. 524 ГК РФ, посвященной исчислению убытков при расторжении договора поставки.

Норма описывает два альтернативных сценария развития ситуации, когда вследствие нарушения обязательства пострадавшая сторона использует свое право на односторонний отказ от договора. Эти две альтернативы получили названия конкретных и абстрактных убытков.

Во-первых (п. 1 ст. 393.1 ГК РФ), отказавшись от договора, но не утратив интереса к получению планировавшегося от его исполнения экономического эффекта, сторона может заключить так называемую замещающую сделку, то есть аналогичный договор с сопоставимым предметом, но с другим контрагентом. Вполне вероятно, что условия такой новой сделки будут менее выгодными. В таком случае пострадавшая сторона получает право, помимо расторжения первого договора, взыскать с нарушителя разницу в ценах между ценой замещающей сделки и ценой расторгнутого договора.

Во-вторых (п. 2 ст. 393.1 ГК РФ), даже если замещающая сделка не заключена, но на товары, работы, услуги, бывшие предметом расторгнутого договора, имеется текущая цена, пострадавшая сторона имеет право требовать от нарушителя разницы между ценой расторгнутого договора и этой текущей ценой.

Несмотря на важность описанных выше нововведений, все же наиболее обсуждаемой новеллой в главе об ответственности за нарушение обязательств стала новая редакция ст. 395 ГК РФ, посвященной ответственности за нарушение денежного обязательства. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что в каждом арбитражном суде страны ежедневно рассматривается несколько дел, в которых истец требует взыскания процентов по ст. 395 ГК РФ. Следовательно, изменение данной статьи моментально отразилось на практической работе юристов.

Самое обсуждаемое изменение ст. 395 ГК РФ - это корректировка процентной ставки, по которой с 01.06.2015 считаются проценты за пользование чужими денежными средствами. Как известно, в соответствии с п.

51 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 N 6/8 для расчета названных процентов применялась ставка рефинансирования ЦБ РФ. Тот же подход был отражен и в законопроекте о внесении изменений в ГК РФ, внесенном в Государственную Думу РФ в 2012 году. Однако в финальной версии закона место ставки рефинансирования заняли средние ставки банковского процента по вкладам физических лиц, публикуемые Банком России.

Уже в июне 2015 года Банк России начал публиковать соответствующие ставки на своем сайте. Ставки обновляются ежемесячно и различаются по федеральным округам. По состоянию на начало января 2016 года размер ставок варьируется от 6,34% до 8,09% годовых в зависимости от федерального округа.

Сразу после вступления в силу новой редакции ст. 395 ГК РФ суды столкнулись с проблемой того, какие проценты подлежат взысканию и за какие периоды, особенно когда речь идет о договоре, заключенном до 01.06.2015. Даже в рамках суда одного субъекта РФ можно было наблюдать противоречивую картину. Например, в практике Арбитражного суда Челябинской области можно найти решения о том, что ставка рефинансирования применяется и после 01.06.2015 (дело NA76-15817/2015) и даже на будущее, до исполнения решения (дело N A76-13940/2015), ставка рефинансирования применяется до вынесения решения суда, а новая ставка - в дальнейшем до исполнения (дело N A76-12939/2015), ставка рефинансирования применяется до 31.05.2015, а новая ставка - начиная с 01.06.2015 (дела NA76-17684/2015, A76-16516/2015, A76-14278/2015). Последняя позиция отчасти объясняется следованием подходу ВАС РФ, отраженному в Постановлении Президиума ВАС РФ от 01.06.2010 N 1861/10. И именно такой вариант был впоследствии поддержан ВС РФ. Как указал ВС РФ в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2015 год от 25.11.2015 N 3, размер процентов определяется ставками, имевшими место в соответствующие периоды времени, а не на день предъявления иска или день вынесения решения.

Помимо изменения размера процентной ставки, ст. 395 ГК РФ была дополнена еще несколькими положениями.

Было нормативно определено соотношение процентов за пользование чужими денежными средствами и неустойки. Фактически в ГК РФ нашел отражение подход, ранее закрепленный в п. 6 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 08.10.1998 N 13/14, а именно: в случае, когда соглашением сторон предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение денежного обязательства, предусмотренные ст. 395 ГК РФ проценты не подлежат взысканию.

Также в ст. 395 ГК РФ был включен запрет на начисление процентов на проценты, то есть так называемых сложных процентов. Однако действие данного запрета оказалось значительно сужено. Во-первых, в самом п. 5 ст. 395 ГК РФ указано, что сложные проценты допустимы в отношениях между коммерсантами, то есть по обязательствам, исполняемым при осуществлении сторонами предпринимательской деятельности. А во-вторых, возможность устанавливать неустойку за ненадлежащее исполнение заемщиком обязательств по уплате процентов сохранилась для отношений в рамках Федерального закона N 353-ФЗ от 21.12.2013 "О потребительском кредите (займе)". В частности, такую позицию занял Банк России в письме от 19.06.2015 N 41-2-12/782.

Наконец, в ст. 395 ГК РФ появилась норма о возможности судебного снижения размера процентов за пользование чужими денежными средствами, установленных договором. Дело в том, что норма п. 1 ст. 395 ГК РФ о ставке процентов является диспозитивной, а значит, стороны в договоре могут согласовать иной процент, нежели средние ставки банковского процента по вкладам физических лиц, публикуемые Банком России. При этом такой процент может оказаться явно несправедливым для одной из сторон. И если в случае с неустойкой у суда всегда было право при определенных обстоятельствах снизить ее размер, следуя нормам ст. 333 ГК РФ, то для процентов годовых подобная норма отсутствовала. Теперь суду предоставлено

аналогичное право при условии, что подлежащая уплате сумма процентов явно несоразмерна нарушению и ответчик заявляет о необходимости снижения названной суммы.

Таковы в общем виде новеллы главы 25 ГК РФ в отношении мер ответственности за нарушение обязательств.

В ходе реформы ГК РФ были подвергнуты изменению и некоторые другие статьи, которые также имеют большое значение для рассматриваемой темы.

Так, в п. 1 ст. 308.3 ГК РФ был законодательно введен новый инструмент защиты прав кредитора по неденежному обязательству, то есть по обязательству, предполагающему исполнение в натуре. В законе отражено право суда по требованию кредитора присудить в его пользу денежную сумму на случай неисполнения судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения. Таким образом, в российском праве появился аналог института *astreinte*, зародившегося и получившего наибольшее развитие во французском праве.

И вновь отметим, что еще до реформы обязательственного права возможность присуждения таких сумм судами в пользу истцов по неденежным обязательствам была закреплена в практике ВАС РФ, а именно в п. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 N 22.

Кроме того, хотя параграф о неустойке расположен в главе 23 ГК РФ, посвященной обеспечению обязательств, не вызывает сомнений, что неустойка является в первую очередь мерой ответственности и лишь в меньшей степени мерой обеспечения исполнения обязательства. В связи с этим отметим и ту часть реформы, которая затронула нормы о неустойке.

Законом N 42-ФЗ была изменена лишь одна, но, возможно, самая востребованная статья параграфа 2 главы 23 ГК РФ, а именно ст. 333 ГК РФ об уменьшении неустойки. В названной статье были кодифицированы условия уменьшения неустойки, ранее получившие отражение в судебной практике

высших судов. В частности, в законе появилась норма о праве суда снижать неустойку в случае нарушения обязательства лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, только при наличии соответствующего заявления такого лица. Данная новелла призвана прекратить практику снижения размера неустойки судом по собственной инициативе, поскольку без заявления стороны в таком случае суд фактически подменял собой одну из сторон по делу. Напомним, что ранее в той или иной форме аналогичный подход был поддержан и ВС РФ, и КС РФ, и ВАС РФ.

Еще одно условие уменьшения неустойки введено для случаев, когда неустойка предусмотрена договором и подлежит уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Таким условием стало возможное получение кредитором необоснованной выгоды в результате взыскания неустойки. Следует отметить, что, вводя данное правило, законодатель имплицитно разрешил догматический спор о том, подлежит ли применению ст. 333 ГК РФ к законной неустойке. Выделяя в п. 2 ст. 333 особое условие для снижения договорной неустойки, законодатель, таким образом, подтвердил, что общее правило п. 1 ст. 333 ГК РФ применимо и для неустойки, предусмотренной законом.

Гражданский кодекс РФ в ст. 15 ГК РФ понимает под убытками расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрату или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

Согласно новой редакции п. 2 ст. 393 ГК РФ возмещение убытков в полном размере означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в то положение, в котором он находился бы, если бы

обязательство было исполнено надлежащим образом. На наш взгляд, внесенные изменения в ст. 393 ГК РФ подчеркивают, что цель возмещения убытков заключается не только в восстановлении нарушенного права, как это было по ранее действовавшему законодательству, но и в признании за кредитором права на получение тех выгод и преимуществ, которые причитались ему по заключенному соглашению. Данный подход в целом аналогичен подходу английского договорного права к объему возмещаемых убытков, согласно которому "цель присуждения убытков заключается в том, чтобы поставить кредитора в то положение, в котором он бы находился, если бы договор был исполнен на согласованных сторонами условиях".

До настоящей реформы гражданского законодательства при отсутствии доказанного размера, например, упущенной выгоды денежные суммы не взыскивались. Данная ситуация объяснялась тем, что возмещение убытков потерпевшему "не предполагает его обогащения вследствие правонарушения".

Однако среди исследователей высказывались суждения, что взыскание только доказанных убытков может не способствовать, а затруднять принятие справедливого решения судом. Еще А. Пестржецкий отмечал, что при взыскании доказанных убытков истцы, будучи признаны самими судебными местами правыми, тем не менее представляются на деле обвиненными сторонами, потому что на них ложится обязанность платить штраф за неправый иск или судебные издержки.

Очевидно, проблема взыскания только доказанных убытков обусловила то, что при составлении Гражданского уложения Российской империи Редакционная комиссия указывала, что существенным недостатком является лишение суда права определять размер убытков по своему усмотрению, вследствие чего возмещаются лишь убытки, размер которых доказан.

Следует отметить, что и в настоящий момент суды в отдельных случаях могут самостоятельно определять размер взыскиваемых денежных сумм. Так, в соответствии со ст. 1101 ГК РФ при определении размера компенсации морального вреда суды должны учитывать требования разумности и

справедливости. Согласно ст. 333 ГК РФ, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку по заявлению ответчика. При этом суд вправе снижать не только договорную, но и законную неустойку.

Данный подход был воспринят законодателем при редакции ст. 393 ГК РФ, положения которой были дополнены п. 5, предусматривающим, что "размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. В то же время суд не может отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства".

Следует в целом согласиться с позицией законодателя, что судам должно быть предоставлено право определять размер убытков при доказанности факта причинения вреда и причинной связи.

Однако, на наш взгляд, подобное правило следует предусмотреть спорам между гражданами и между гражданами и юридическими лицами. Нужно признать, что Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА устанавливают такое же правило и для коммерческих организаций в порядке общего положения. В соответствии с п. 7.4.3 названных Принципов, "если размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности, определение размера убытков осуществляется по усмотрению суда". Несмотря на столь авторитетный источник, согласиться с этим в части коммерческих организаций нельзя. Предпринимательская деятельность - это деятельность профессиональная. Предприниматель не только сам является профессионалом, он может воспользоваться помощью других профессионалов для расчета убытков. В то же время весьма актуально будет предоставить право

суду определять размер убытков по спорам между гражданами и между гражданами и юридическими лицами. Данное право обусловлено возможностью как общей, так и правовой неграмотности граждан, признанной законом (ст. 205 ГК РФ). Невозможность расчета убытков в этом случае не следует расценивать как недобросовестность граждан. Отсутствие надлежащей подготовки обуславливает, например, признание граждан-потребителей слабой стороной правоотношения. Баланс интересов производителя товаров и услуг, продавца и потребителя может быть достигнут только с помощью дополнительных обременений первого и соответственно предоставления последнему дополнительных прав. При заключении договора на охрану имущества, где владельцем имущества выступает гражданин, являющийся слабой стороной договора, с целью защиты его имущественных интересов необходимо в законе закрепить правило, что в случае доказанности факта неисполнения или ненадлежащего исполнения охранной организацией своих обязательств и факта причинения гражданину убытков, размер убытков может быть определен судом с учетом обстоятельств дела.

На наш взгляд, суду следует предоставить право в случае необходимости определять размер причиненных убытков гражданам в отношениях между ними и юридическими лицами. Однако данное правило не следует распространять на юридические лица, поскольку при создании юридических лиц должна действовать презумпция надлежащей подготовки его персонала для участия в гражданском обороте. Поэтому добросовестные юридические лица должны самостоятельно рассчитывать размер своих убытков, в то время как отсутствие такого расчета следует квалифицировать как их недобросовестность.

Как уже отмечалось в соответствии со ст. 15 ГК РФ, убытки состоят из реального ущерба и упущенной выгоды. Для того чтобы предъявить требование о возмещении убытков, кредитор должен доказать их наличие, произвести расчет убытков, в том числе упущенной выгоды, доказать факт неисполнения или ненадлежащего исполнения должником принятого на себя обязательства

(противоправность), а также наличие причинной связи между противоправным поведением должника и возникшими убытками. Что касается вины причинителя вреда, то гражданское законодательство исходит из презумпции виновности неисправного должника. Таким образом, должник предполагается виновным, если не докажет свою невиновность. Следует также отметить, что согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ при осуществлении лицом предпринимательской деятельности установление его вины в причинении убытков необязательно.

Однако возмещение убытков - это не только гражданско-правовая санкция за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора, но и способ защиты нарушенного субъективного права, когда убытки возмещаются вне связи с гражданско-правовой ответственностью. Так, согласно ст. 717 ГК РФ заказчик может в любое время до сдачи ему результатов работы отказаться от исполнения договора, уплатив подрядчику часть установленной цены пропорционально части работы, выполненной до получения извещения об отказе заказчика от договора. Однако в соответствии с отдельным указанием в данной норме заказчик обязан возместить подрядчику убытки, причиненные прекращением договора.

В соответствии с ч. 1 ст. 806 ГК РФ любая из сторон по договору транспортной экспедиции вправе отказаться от исполнения договора, но согласно ч. 2 этой нормы сторона, заявившая об отказе, возмещает другой стороне убытки, вызванные расторжением договора.

По правилам ст. 1003 ГК РФ комитент вправе в любое время отказаться от исполнения договора комиссии, отменив данное комиссионеру поручение. Однако согласно отдельному указанию в этой же норме комиссионер вправе в этом случае требовать возмещения убытков, вызванных отменой поручения. Подобные ситуации предусмотрены также ст. ст. 573, 782, 978 и др. ГК РФ.

Казалось бы, можно утверждать о правомерности причиненных в данном случае убытков. Однако такая характеристика правовой природы отношений представляется ошибочной. Правомерным здесь следует считать отказ от договора, отмену поручения и т.д., но не причинение убытков, которые

являются следствием нарушения права другой стороны. Добросовестными в подобных отношениях будут только указанные в законе правомерные действия: отказ от договора, отмена поручения. Причинение убытков представляет собой недобросовестное поведение. Вместе с тем, учитывая, что причинение убытков произошло при осуществлении субъективного права, как побочного эффекта, причинение убытков в указанных выше ситуациях должно квалифицироваться как извинительная недобросовестность, а возмещение убытков производится в рамках защиты права, но не гражданско-правовой ответственности.

При расчете конкретных сумм убытков трудности вызывает прежде всего доказывание размера упущенной выгоды, так как кредитор должен доказать размер доходов, которые он бы получил, если бы его право не было нарушено. С учетом сложности данной задачи представляет интерес анализ ч. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ, которая содержит следующее положение: "Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере, не меньшем, чем такие доходы". Данная норма, на наш взгляд, содержит положение, детализирующее убытки, относящиеся к упущенной выгоде, и способствующее упрощению доказывания ее размера. Это правило применяется не только в России. В частности, в английском праве существует аналогичный подход к взысканию убытков: убытки могут выражаться либо в выгоде (доходах) должника, либо в имущественных потерях кредитора. В английском договорном праве такой подход называется защитой реституционного интереса (*restitution interest*), когда истец желает лишиться ответчика доходов, приобретенных за его счет.

Однако рассматриваемая норма, на наш взгляд, сформулирована не совсем корректно, что позволяет толковать ее в расширительном плане. По нашему мнению, из данного пункта ст. 15 ГК РФ следует устранить слова "наряду с другими убытками". Вследствие чего ч. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ будет содержать следующее правило: "Если лицо, нарушившее право, получило

вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы".

Следует отметить, что в науке гражданского права выделяют так называемые абстрактные и конкретные убытки. До реформы гражданского законодательства убытки такого рода были отражены в ст. 524 ГК РФ. В соответствии с данной нормой при расторжении договора поставки кредитор вправе требовать от должника возмещения убытков в виде разницы между установленной в договоре ценой и ценой по совершенной взамен сделке. Данные убытки называют конкретными. Что касается абстрактных убытков, то согласно п. 3 ст. 524 ГК РФ их размер определяется в виде разницы между ценой, установленной в договоре, и текущей ценой на момент расторжения договора. Изменения гражданского законодательства также коснулись данной проблемы. В ГК РФ была введена ст. 393.1, согласно которой в случае, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение должником договора повлекло его досрочное прекращение и кредитор заключил взамен его иную сделку (заменяющую сделку), он вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и ценой на сопоставимые товары, работы или услуги по условиям заменяющей сделки. Если кредитор не совершил заменяющей сделки, но в отношении предусмотренного прекращенным договором исполнения имеется текущая цена на сопоставимые товары, работы или услуги, кредитор вправе потребовать от должника возмещения убытков в виде разницы между ценой, установленной в прекращенном договоре, и текущей ценой.

Конкретные и абстрактные убытки очень трудно отграничить от упущенной выгоды. На наш взгляд, абстрактные и конкретные убытки представляют собой разновидность упущенной выгоды, так как эти конструкции объединяет общая цель - взыскать те доходы, которые получило бы лицо при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

В науке гражданского права дискусируется также вопрос о возможности взыскания так называемых заранее исчисленных убытков или твердых убытков. Под "твердыми" убытками следует понимать денежную сумму, которую стороны устанавливают своим соглашением в качестве возмещения будущих потерь.

Отдельные авторы считают необходимым использовать данную конструкцию по предварительному расчету убытков; другие возражают против этого. Представляется, что система исчисления убытков, сводящаяся к предварительной их оценке, неприемлема по принципиальным соображениям, так как она порождает "концепцию фикций", оторванную от конкретной хозяйственной ситуации. Нормативные убытки, т.е. убытки, нормированные в договоре, противоречат сущности возмещения убытков, так как в результате нормирования убытков в договоре возникает несоответствие размера взыскиваемых убытков и размера фактических убытков, что подрывает эффективность самого института возмещения убытков. Данный аргумент, на наш взгляд, является верным, потому что возмещение убытков согласно ст. 15 ГК РФ предполагается полным. Сомнительно, что при определении убытков в твердой сумме можно заранее рассчитать их точный размер при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства. По своей сущности "твердые" убытки очень похожи на неустойку в форме штрафа. Данная позиция нашла свое отражение в ст. 1229 Французского гражданского кодекса, согласно которой условие о неустойке является возмещением за убытки, которые кредитор терпит вследствие неисполнения основного обязательства. "Общепризнанным во французской цивилистике считалось мнение о том, что неустойка заранее определяет размер убытков на случай нарушения обязательства". При определении штрафа за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства стороны вправе учитывать вероятные имущественные последствия такого поведения. В этой связи полагаем, что "твердые" убытки являются неустойкой, установленной в форме штрафа, и не нуждаются в специальном законодательном закреплении и регулировании.

Следует, однако, отметить, что договорное право Великобритании признает возможность взыскания в отдельных случаях сумм "заранее исчисленных убытков" (liquidateddamages), отмечая, что отличия заранее исчисленных убытков от штрафных санкций заключаются прежде всего в добросовестной предварительной оценке имущественных потерь кредитора вследствие нарушения договора должником. В то же время, если стороны определили "заранее исчисленные убытки" совершенно не в соответствии с реально причиненным вредом, такие убытки не компенсируются.

В связи с введением принципа добросовестности в гражданское законодательство целесообразно, на наш взгляд, включить в ГК РФ положение о том, что должник, нарушивший договор, не должен возмещать ущерб, который он не предвидел или не должен был разумно предвидеть при заключении договора, в качестве вероятного последствия его нарушения.

На наш взгляд, если при заключении договора должник с позиции средней опытности не предвидел или не должен был предвидеть вероятных последствий нарушения договора, то его поведение является добросовестным.

До настоящего времени были известны два основания освобождения должника от возмещения убытков за нарушение договора: 1) отсутствие вины при виновной ответственности; 2) непреодолимая сила при безвиновной ответственности.

Добросовестность должника, на наш взгляд, должна являться самостоятельным основанием освобождения его от ответственности за нарушение договора вне зависимости от ее вида: виновная или безвиновная. При определении добросовестности или недобросовестности должника суду необходимо применительно к конкретной ситуации сформулировать правовую оценку предвидения, разумности и вероятности применительно к конкретному субъекту договорного отношения. Когда должником является гражданин - это может быть один уровень такой оценки. Если должником будет коммерческая организация или индивидуальный предприниматель - это обуславливает более строгий подход к правовой оценке соответствующих обстоятельств, поскольку

в данном случае должником является специалист своей сделки, который обязан более адекватно оценивать деловые качества своих партнеров, состояние экономики - словом, все обстоятельства, которые следовало бы должнику принять во внимание в связи с оценкой вероятности нарушения договора и наступления соответствующих последствий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в настоящем исследовании автором осуществлен комплексный анализ проблем одностороннего изменения и расторжения договоров в гражданском праве РФ на современном этапе.

Актуальность темы исследования обосновывается тем, что современная рыночная экономика предполагает достаточно высокую степень динамичности экономического оборота и мобильности его участников. Никто теперь не сомневается в том, что пострадавший от нарушения договора кредитор волен выбирать между требованием реального исполнения договора и его расторжением.

Более того, учитывая то, что механизмы буквального принуждения к исполнению обязательства в натуре путем предъявления соответствующего иска как в зарубежном, так и российском праве зачастую либо вовсе заблокированы, либо достаточно ограничены, либо просто малоэффективны, расторжение нарушенного договора как средство защиты прав кредитора приобретает особую актуальность. Можно допустить, что этот способ реагирования на состоявшееся нарушение является одним из самых часто используемых на практике. В этой связи многие практические вопросы применения расторжения нарушенного договора имеют особую актуальность для развития сбалансированного, справедливого и эффективного режима регулирования договорных отношений.

По результатам проведенного исследования автор приходит к следующим выводам:

Расторжение договора по желанию одной из сторон без обращения в суд имеет место быть в ситуации, когда это предусмотрено условиями самого документа, если подобное прописано в тексте договора.

С точки зрения законодательных норм, допустим отказ от договора в одностороннем порядке. Подобный отказ производится посредством уведомления другой стороны сделки об отказе исполнения договоренности

полностью или в отдельной части. Прекращение договора возникает с момента получения уведомления другой стороной при условии, что это действие не содержит противоречий ни условиям самого договора, ни нормам действующего законодательства. Фактически, при допустимости одностороннего отказа от договора его действие прекращается, и он считается расторгнутым, либо измененным. Основные аспекты, регулирующие односторонний отказ от исполнения контрактных обязательств, изложены в статьях 310 и 450.1 ГК РФ.

Расторжение договора в одностороннем порядке допускается лишь по решению суда, либо тогда, когда стороны выражают готовность расторгнуть сделку и с учетом отсутствия противоречий взаимных интересов, что подтверждается соглашением о расторжении договора. То есть, все стороны-участники солидарны в своем намерении внести изменения или полностью прекратить действие существующей договоренности. Таким образом, если по инициативе одной из сторон между контрагентами заключается новое соглашение, действующий договор может быть расторгнут, либо в него вносятся необходимые актуальные изменения. Если сторонам договоренности не удастся прийти к консенсусу, инициатор расторжения правомочен обратиться в суд. При этом в суде будут учитываться причины, на основании которых подается заявление о расторжении договора. Если причины, указанные заявителем, противоречат положениям законодательства в этой части, иск о расторжении не будет удовлетворен.

Любая сделка подразумевает, что ее участники максимально учли все возможные риски, которые могут возникнуть впоследствии. Но что делать и как расторгнуть договор в одностороннем порядке, если для одного из участников обстоятельства изменились столь кардинальным образом, что предусмотреть подобный исход заранее было невозможно. Единственно допустимый вариант в такой ситуации – отправить письмо о расторжении договора другому участнику или участникам, если сторон несколько.

В новой редакции гл. 25 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), вступившей в силу с 1 июня 2015 г., появился целый ряд статей, требующих осмысления. Часть новых норм неизвестна не только нашему позитивному праву, но и правоприменительной практике (например, ст. 406.1, посвященная соглашению о возмещении потерь). Некоторые изменения лишь отчасти можно назвать новшествами, поскольку они во многом подготовлены судебным толкованием ГК РФ. К числу таковых, пожалуй, можно отнести новую ст. 393.1 ГК РФ, которая содержит удобные правила исчисления убытков при прекращении договора.

Во многом эта статья повторяет положения ст. 524 ГК РФ, которая действовала с 1996 г., однако решала ту же задачу упрощенного исчисления убытков при прекращении договора поставки. Суды достаточно давно пришли к выводу о том, что значение этих правил выходит далеко за пределы отношений поставки. Постепенно сформировалась практика применения данных положений по аналогии закона в иных договорных обязательствах.

Вместе с тем полного сходства между ст. 393.1 и ст. 524 ГК РФ нет. Определенные различия как раз связаны с тем, что разработчики стремились придать ст. 393.1 универсальный характер, позволяющий применять ее при прекращении любого договора.

Еще один важный аспект, который необходимо учитывать при уяснении смысла ст. 393.1 ГК РФ, заключается в том, что подходы к расчету убытков, закрепленные в данной статье, базируются на презумпции того, какие меры должен предпринять любой разумный и добросовестный кредитор для того, чтобы минимизировать негативные последствия нарушения договора. Эти вопросы решаются в ст. 404 ГК РФ, которая не привлекла к себе внимания реформаторов и осталась действовать в той же редакции, которая вступила в силу с 1 января 1995 г. В связи с этим важно интерпретировать положения ст. 393.1 во взаимосвязи со ст. 404 ГК РФ. Именно поэтому в настоящей работе предлагается системное толкование ст. 393.1 и ст. 404 ГК РФ. Поскольку представляется, что система исчисления убытков, сводящаяся к предварительной

их оценке, неприемлема по принципиальным соображениям, так как она порождает "концепцию фикций", оторванную от конкретной хозяйственной ситуации. Нормативные убытки, т.е. убытки, нормированные в договоре, противоречат сущности возмещения убытков, так как в результате нормирования убытков в договоре возникает несоответствие размера взыскиваемых убытков и размера фактических убытков, что подрывает эффективность самого института возмещения убытков. Данный аргумент, на наш взгляд, является верным, потому что возмещение убытков согласно ст. 15 ГК РФ предполагается полным. Сомнительно, что при определении убытков в твердой сумме можно заранее рассчитать их точный размер при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства.

По своей сущности "твердые" убытки очень похожи на неустойку в форме штрафа. Данная позиция нашла свое отражение в ст. 1229 Французского гражданского кодекса, согласно которой условие о неустойке является возмещением за убытки, которые кредитор терпит вследствие неисполнения основного обязательства. "Общепризнанным во французской цивилистике считалось мнение о том, что неустойка заранее определяет размер убытков на случай нарушения обязательства". При определении штрафа за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства стороны вправе учитывать вероятные имущественные последствия такого поведения. В этой связи полагаем, что "твердые" убытки являются неустойкой, установленной в форме штрафа, и не нуждаются в специальном законодательном закреплении и регулировании. Следует, однако, отметить, что договорное право Великобритании признает возможность взыскания в отдельных случаях сумм "заранее исчисленных убытков" (liquidateddamages), отмечая, что отличия заранее исчисленных убытков от штрафных санкций заключаются прежде всего в добросовестной предварительной оценке имущественных потерь кредитора вследствие нарушения договора должником. В то же время, если стороны определили "заранее исчисленные убытки" совершенно не в соответствии с реально причиненным вредом, такие убытки не компенсируются.

В связи с введением принципа добросовестности в гражданское законодательство целесообразно, на наш взгляд, включить в ГК РФ положение о том, что должник, нарушивший договор, не должен возмещать ущерб, который он не предвидел или не должен был разумно предвидеть при заключении договора, в качестве вероятного последствия его нарушения.

На наш взгляд, если при заключении договора должник с позиции средней опытности не предвидел или не должен был предвидеть вероятных последствий нарушения договора, то его поведение является добросовестным.

На основании данных выводов мы предлагаем на законодательном уровне решить выявленные проблемы следующим образом:

Предлагается дополнить пункт ст.450 уточняющей нормой в следующей редакции: «Одностороннее расторжение или изменение договора допускается в случае если сторона приведет доказательства обосновывающие то обстоятельство, что при согласовании условий договора (являющихся предметом спора) - стороны предавали ему разное значение».

Применение норм о возврате неосновательного обогащения к требованию о возврате исполненного по обязательству до момента изменения или расторжения договора возможно лишь по аналогии закона. Данное требование основано на самостоятельном внедоговорном охранительном гражданско-правовом обязательстве, правовое регулирование которого нуждается в совершенствовании. В связи с этим целесообразно внести изменения в законодательство, изложив п. 4 ст. 453 ГК РФ в следующей редакции: «Сторона не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ею по обязательству до момента изменения или расторжения договора, за исключением случаев, когда другая сторона не исполнила своего обязательства или исполнила его ненадлежащим образом, а также в иных случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон».

При нарушении продавцом условия договора купли-продажи о количестве – передаче покупателю меньшего количества товара, чем определено договором, закон предоставляет покупателю следующие

возможности: у него возникает право либо потребовать передачи недостающего количества товара либо отказаться от переданного товара и его оплаты, а если товар оплачен, потребовать возврата уплаченной денежной суммы (п.1 ст.466 ГК).

Следовательно, в ситуации, когда покупатель не предъявил продавцу требование о передаче недостающего количества товара, он вправе (в том случае, если иное не было предусмотрено договором) отказаться от переданного товара и его оплаты. Между тем, в ряде случаев покупатель, при получении меньшего количества товара, чем было предусмотрено договором, обращается в суд с требованием о взыскании с продавца денежной суммы, уплаченной именно за недостающее количество товара, то есть изъявляет желание отказаться от исполнения договора частично. При этом он не заинтересован в возврате уже полученного товара, и следовательно, прекращении договорных отношений в полном объеме. Как правило, суды удовлетворяют соответствующие иски, руководствуясь при этом, за неимением нужного правила, пунктом 1 ст.466 ГК. В связи со сказанным диссертант полагает необходимо уточнить содержание данной нормы, изложив ее в следующей редакции:

«Если продавец передал в нарушение договора купли-продажи покупателю меньшее количество товара, чем определено договором, покупатель вправе, если иное не предусмотрено договором, по своему выбору:

потребовать передать недостающее количество товара;

отказаться от оплаты непереданного товара либо потребовать возврата уплаченной за него денежной суммы;

отказаться от переданного товара и от его оплаты, а если товар оплачен, потребовать возврата уплаченной денежной суммы».

Таким образом, проведенное исследование расширяет знание об актуальных проблемах функционирования института изменения и расторжения нарушенного договора. Теоретические выводы и конкретные предложения по оптимизации российского договорного права, сформулированные в настоящем

исследовании, могут быть восприняты научной доктриной, российским законодателем и судебной практикой. Это в свою очередь, на наш взгляд, может способствовать формированию более сбалансированного, экономически эффективного и справедливого гражданско-правового регулирования данного института, а также более целостному представлению об анализируемом институте в рамках систематики российского гражданского права. Помимо этого, результаты проведенного исследования могут быть использованы в учебном процессе, для создания учебно-методических материалов и в иных образовательных целях. Практическая значимость заключается в тех выводах и рекомендациях, что содержатся в диссертационном исследовании, и могут быть применены в процессах законодательной работы. Таким образом, представляется, что теоретическая и практическая значимость доказана, задачи исследования автором решены, что позволяет говорить о достижении цели исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Законодательные материалы

Кодексы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон : № 51-ФЗ : от 30 ноября 1994 г.: по состоянию на 1.10.2019 // Российская газета. – 1994. – 8 дек.

Научная литература:

2. Байбак В.В. Возмещение убытков при прекращении договора и вина кредитора / В.В. Байбак // Вестник гражданского права. – 2016. – № 4. – С. 57-60.

3. Байбак В.В. Новая редакция ст. 393 ГК РФ: общие правила о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства / В.В. Байбак // Закон. – 2016. – № 8. – С. 69-72.

4. Брагинский М.И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский – М., 1997. – 850 с.

5. Булдаков Д.О. О юридической природе задания заказчика по договору / Д.О. Булдаков // Налоги. – 2016. – №. 23. – С. 18-22.

6. Витко В.С. Юридическая природа договоров аутсорсинга и аутстаффинга / В.С. Витко, Е.А. Цатурян. – М.: Статут, 2017. – 128 с.

7. Власова, М. В. Защита прав страхователя. Заключаем договор со страховщиком / М.В. Власова. – М.: Эксмо, 2017. – 256 с.

8. Волгин, В.В. Логистические ловушки и решения в договорах. Справочник предпринимателя / В.В. Волгин. – М.: Дашков и К°, 2018. – 236 с.

9. Голева, Е. В. Договор страхования ответственности директоров и менеджеров хозяйственных обществ в праве Англии и России. Сравнительный анализ / Е.В. Голева. – М.: Высшая школа, 2016. – 168 с.

10. Голованов Н.М. Гражданско-правовые договоры / Н.М. Голованов. – СПб.: Питер, 2015. – 272 с.

11. Гражданское право России. Обязательственное право: Курс лекций. /Отв. Ред. О.Н. Садигов. – М.: Юристъ, 2014. – 845 с.
12. Грибанов В.П. Осуществление гражданских прав / В.П. Грибанов. – М.: Статут, 2016. – 234 с.
13. Гришаев С.П. Гражданское право в вопросах и ответах / С.П. Гришаев. – М.: ЮРИСТЪ, 2017. – 144 с.
14. Гришаев С.П. Потребительское кредитование. Комментарий законодательства / С.П. Гришаев // СПС «КонсультантПлюс». 2015. – 152 с.
15. Грудцына Л. Ю. Гражданское право России / Л.Ю. Грудцына. – М.: Юстицинформ, 2016. – 178 с.
16. Груздев В.В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву / В.В. Груздев. – М.: WoltersKluwer, 2016. – 272 с.
17. Данкварт, В.П. Гражданское право общественная экономия / В.П. Данкварт. – М.: Книга по Требованию, 2017. – 240 с.
18. Дихтяр А.И. Банкротство: условия действительности одностороннего отказа арбитражного управляющего от исполнения договоров должника / А.И. Дихтяр // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 3. – С. 27-29.
19. Добрачев Д. В. Взыскание основного денежного долга и убытков в гражданском праве России / Д.В. Добрачев. – М.: WoltersKluwer, 2015. – 184 с.
20. Дупленский Н. Методические рекомендации по заключению договоров между переводчиками и заказчиками / Н. Дупленский. – М.: Р. Валент, 2017. – 642 с.
21. Егорова М.А. Односторонний отказ от исполнения гражданско-правового договора. 2-е изд., перераб. и доп. / М.А. Егорова. – М.: Статут, 2016. – 401 с.
22. Ершов О.Г. О правовой природе договора / О.Г. Ершов // Правовые вопросы строительства. – 2015. – № 1. – С. 25-29.

23. Ершов О.Г. Предмет договора / О. Г. Ершов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 4. – С. 98-106.
24. Завидов Б.Д., Гусев О.Б. Особенности возмездных договоров: Практическое пособие / Б.Д. Завидов, О.Б. Гусев. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2015. – 106 с.
25. Зенин И.А. Гражданское право: учебник для вузов / И.А. Зенин. – М.: Высшее образование, 2015. – 262 с.
26. Иванов О.М., Щербакова М.А. Комментарий к Федеральному закону «О потребительском кредите (займе)»: научно-практический (постатейный) / О.М. Иванов, М.А. Щербакова. – М.: Статут, 2014. – 767 с.
27. Иванова, Е. В. Гражданское право России / Е.В. Иванова. – М.: Книжный мир, 2018. – 816 с.
28. Кабалкин А.Ю. Изменение и расторжение договора / А.Ю. Кабалкин // Российская юстиция. – 2016. – № 10. – С. 22-24.
29. Кодолов, В. А. Гражданское право. Курс-минимум / В.А. Кодолов. – М.: Магистр, 2018. – 224 с.
30. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации. [сайт]. – Режим доступа: <http://www.privlaw.ru> (дата обращения: 4.12.2019).
31. Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России. [сайт]. – Режим доступа: <http://www.privlaw.ru> (дата обращения: 4.12.2019).
32. Корнийчук Г. А. Договоры: образцы, рекомендации, комментарии / Г.А. Корнийчук. – М.: Альфа-Пресс, 2015. – 280 с.
33. Корнийчук, Г. А. Договоры аренды, найма и лизинга / Г.А. Корнийчук. – М.: Дашков и Ко, 2015. – 156 с.
34. Коршунова, Н. М. Гражданское право. В 3 частях. Часть 3 / Под редакцией В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: Эксмо, 2018. – 480 с.

35. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. – М.: Статут, 2016. – 147 с.
36. Макаров О.В. К вопросу о понятии, сущности и существенных условиях договора / О.В. Макаров // Правовые вопросы строительства. – 2016. – № 2. – С. 15-18.
37. Мардалиев Р. Т. Гражданское право / Р.Т. Мардалиев. – М.: Питер, 2018. – 256 с.
38. Минаева Л.Н. Договоры. Практическое применение (+ CD-ROM) / Л.Н. Минаева. – М.: Рид Групп, 2017. – 822 с.
39. Михайленко Е. М. Гражданское право. Общая часть. Краткий курс лекций / Е.М. Михайленко. – М.: Юрайт, 2014. – 192 с.
40. Мушинский В. О. Гражданское право / В.О. Мушинский. – М.: Форум, Инфра-М, 2017. – 224 с.
41. Некрестьянов, Д. С. Гражданское право. Общая часть / Д.С. Некрестьянов. – М.: Полиграфуслуги, 2018. – 192 с.
42. Ожегова Г.А. Правовое регулирование возмещения убытков // Юрист. – 2015. – № 12. – С. 54-56.
43. Подхолзин Б.А. Договоры, обязательства, сделки. Юридический комментарий. Судебная практика. Образцы договоров / Б.А. Подхолзин. – М.: Ось-89, 2017. – 817 с.
44. Протас Е. В. Гражданское право / Е.В. Протас. – М.: Высшая школа, 2018. – 339 с.
45. Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования / Б.И. Пугинский. – М.: Зерцало-М, 2016. – 222 с.
46. Рахманова С.Ю. Оптимизация договоров с точки зрения бухгалтерского учета / С.Ю. Рахманова, Ю.А. Петрова. – М.: Омега-Л, 2018. – 176 с.
47. Рогожин М. Ю. Деловые документы в примерах и образцах / М.Ю. Рогожин. – М.: Проспект, 2017. – 472 с.

48. Смоленский М. Б. Гражданское право / М.Б. Смоленский. – М.: Феникс, 2017. – 352 с.
49. Спектор А. А. Гражданское право России / А.А. Спектор, Э.В. Туманов. – М.: Юркомпани, 2017. – 488 с.
50. Стяжкина Т. А. Сборник типовых договоров. Более 450 образцов / Т.А. Стяжкина. – М.: Экзамен, 2017. – 640 с.
51. Суханов Е.А. Гражданское право / Е.А. Суханов. – М.: БЕК, 2017. – 384 с.
52. Толкачев А. Н. Коммерческий договор. От идеи до исполнения обязательств / А.Н. Толкачев. – М.: АВТОР, 2017. – 903 с.
53. Тютрюмов И. М. Гражданское право / И.М. Тютрюмов. – М.: Типография К. Маттисена, 2017. – 528 с.
54. Федоров А.Ф. Введение в курс гражданского права Прибалтийских губерний / А.Ф. Федоров. – Москва: СПб. [и др.] : Питер, 2017. – 683 с.
55. Чистякова Л. Договор займа // Новая бухгалтерия. – 2014. – № 11. – 215 с.
56. Шерстобитов Е.А. Особенности правовой природы договора // Предпринимательское право. – 2016. – № 14. – С. 79-82.
57. Юдин В. Я. Защита интересов предприятия при перевозке грузов железнодорожным транспортом. Практическое пособие / В.Я. Юдин. – М.: Институт компьютерных исследований, 2016. – 172 с.
58. Южанин Н.В. Меры оперативного воздействия и секундарные права // Журнал LexRussica. – 2016. – № 8. – С. 24–35
59. Юрьева Л. А. Договор управления многоквартирным домом / Л.А. Юрьева. – М.: Юстицинформ, 2016. – 937 с.
60. Яковлев В.Ф. Россия: Экономика, гражданское право: (Вопросы теории и практики) / В.Ф.Яковлев. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2015. – 180 с.

Материалы правоприменительной практики

61. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела :Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 21 января 2016 г. // Российская газета. – 2016. – 1 марта.

62. Определение ВАС РФ от 13.05.2010 № ВАС-5792/10 // СПС «Консультант Плюс» [сайт]. – URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 2.11.2019). [сайт]. – URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 2.11.2019).

63. Постановление ФАС ЗСО от 16.06.2010 по делу № А45-3418/2008 // СПС «Консультант Плюс» [сайт]. – URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 2.11.2019).

64. Постановление ФАС МО от 19.03.2014 по делу № А40-68115/2013 // СПС «Консультант Плюс» [сайт]. – URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 2.11.2019).

65. Постановление АС УО № Ф09-2054/17 от 14.06.2017 по делу № А47-5021/2016 // СПС «Консультант Плюс» [сайт]. – URL: <http://consultant.ru/> (дата обращения: 2.11.2019).

66. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.12.2009 по делу № А27-6231/2009 // КонсультантПлюс [сайт]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ (дата обращения: 24.10.2019)

67. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.01.2010 по делу № А27-11055/2009 // КонсультантПлюс [сайт]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170872/ (дата обращения: 24.10.2019)